

Саксонские
Хроники

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ЯЗЫЧЕСКИЙ ЛОРД

В романах Бернарда Корнуэлла история поистине оживает.

Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»

Саксонские хроники

Бернард Корнуэлл

Языческий лорд

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Языческий лорд / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (Саксонские хроники)

ISBN 978-5-389-14914-4

После кончины короля Альфреда Великого в Британии наступил мир – весьма условный и непрочный, ведь страна разделена пополам. Воинственное племя данов по-прежнему претендует на юг острова, а саксы хотят присвоить северные земли. И вот предводитель данов Кнут Длинный Меч нарушает границу. С какой целью? Его отряд немногочислен, и этот риск кажется неоправданным. Тем временем Утред Беббанбургский, прославленный полководец, некогда сражавшийся на стороне Альфреда Великого, совершает непростительный поступок, за который его предают анафеме, и становится изгоем. Впрочем, умудренный опытом Утред никогда не ждал благодарности от сильных мира сего. Он снаряжает корабль и плывет в Нортумбрию, чтобы с помощью хитроумного плана вернуть свои владения – неприступную крепость Беббанбург. Южная Британия остается без надежного защитника и превращается в плацдарм. Предстоит жестокое сражение между данами и саксами, и от его исхода будет зависеть, какое название получит в веках эта обильно политая кровью земля... Седьмой роман из цикла «Саксонские хроники». Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14914-4

© Корнуэлл Б., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Королевская династия Уэссекса	8
Географические названия	10
Часть первая	12
Глава первая	13
Глава вторая	29
Часть вторая	43
Глава третья	44
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Бернард Корнуэлл Языческий лорд

Bernard Cornwell
THE PAGAN LORD

Copyright © 2013 by Bernard Cornwell
All rights reserved

Серия «The Big Book. Исторический роман»

Карта выполнена Вадимом Пожидаевым-мл.

© А. Яковлев, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Тому и Дане
Go raibh mile maith agat¹*

¹ Большое спасибо (ирл.).

Королевская династия Уэссекса

КОРОЛЕВСКАЯ ДИНАСТИЯ УЭССЕКСА

Географические названия

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденном, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий», хотя словарь, разумеется, не является истиной в последней инстанции. В упомянутом словаре приводятся написания, относящиеся примерно ко времени правления Альфреда – 871–899 годам н. э.; к примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хаэглингейгге». Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен.

Афен – река Эйвон, Уилтшир

Беардан-Игге – Бардни, Линкольншир

Биббанбург – Бамбург Касл, Нортумберленд

Бедехэл – Биднелл, Нортумберленд

Бемфлеот – Бенфлит, Эссекс

Беоргфорд – Берфорд, Оксфордшир

Ботульфстан – Бостон, Линкольншир

Буккестан – Бакстон, Дербишир

Вилтунскир – Уилтшир

Винтанкестер – Винчестер, Гемпшир

Воднесфилд – Веднесбери, Западный Мидланд

Гевэск – залив Уош

Глевекестр – Глостер, Глостершир

Гримесби – Гримсби, Линкольншир

Дифлин – Дублин, Ирландия

Дунхолм – Дарем, графство Дарем

Кеодр – Чеддер, Сомерсет

Коддесволдские холмы – Котсволдские холмы, Глостершир

Корнуолум – Корнуолл

Кумбраланд – Камбрия

Ликкелфилд – Личфилд, Стаффордшир

Линдисфарена – Линдисфарн (Холи-Айленд), Нортумберленд

Линдкольн – Линкольн, Линкольншир

Лунден – Лондон

Мэрс – река Мерси

Острова Фарнеа – острова Фарн, Нортумберленд

Пенкрик – Пенкридж, Стаффордшир

Сестер – Честер, Чешир

Сестерфельда – Честерфилд, Дербишир

Сирренкастр – Сайренсестер, Глостершир

Скеапиг – остров Шеппей, Кент

Снотенгахам – Ноттингем, Ноттингемшир
Сэфери – река Северн
Темез – река Темза
Теотанхель – Теттенхолл, Западный Мидленд
Тофкестер – Таустер, Нортгемптоншир
Тэмворпиг – Тэмворт, Стаффордшир
Уиск – река Эск
Фагранфорда – Фейрфорд, Глостершир
Фланебург – Фламборо, Йоркшир
Фойрт – река Форт, Шотландия
Хайтабу – Хедебю, Дания
Хамбр – река Хамбер, Хумбер
Холм Эска – Ашдон, Беркшир
Эксанкестер – Эксетер, Девон
Эофервик – Йорк, Йоркшир
Этандун – Эдингтон, Уилтшир

Часть первая

Аббат

Глава первая

Было пасмурно. Небо создали боги, оно отражает их настроение. В тот день боги хмурились. Стояла середина лета, но с востока налетел холодный дождь. Похоже на зиму.

Я сидел на Молнии, своем лучшем коне. Это был жеребец, черный как ночь, но с серой полосой, сбегаящей по крупу. Его назвали в честь большой гончей, которую я принес некогда в жертву Тору. Мне не хотелось убивать пса, но боги жестоки: они требуют от нас жертв, а потом затыкают уши. Молния был здоровенным животным, могучим и злым – настоящий боевой конь. На левом боку у меня висел Вздох Змея, лучший из мечей, хотя против врага, с которым мне предстояло сойтись в тот день, не требовался ни меч, ни щит, ни топор. Но я все равно нацепил клинок, потому как Вздох Змея – мой товарищ. Он до сих пор при мне. Когда я умру, а это произойдет скоро, кто-то сомкнет мои пальцы вокруг кожаной оплетки потертой рукояти, и меч вознесет меня в Валгаллу, обитель душ воинов и высших богов, и мы будем пировать.

Но это случится не сегодня.

В тот же темный летний день я сидел в седле посреди разбитой улицы, обратившись лицом к врагам. Я слышал их, но не видел. Они знали, что я здесь.

Ширина улицы позволяла двум повозкам с трудом разминуться друг с другом. По обе стороны тянулись хижины, плетеные стены которых были заляпаны грязью. Их соломенные крыши почернели от дождей и густо поросли лишайником. Лошадь по бабки тонула в жиже из размолотой колесами телег грязи и дерьма собак и свободно гуляющих свиней. Пронизывающий ветер гнал рябь по лужам в колеях, рвал выходящий из отверстий в крышах дым, донося запах горящих поленьев.

Со мной было двое спутников. Из Лундена я выехал во главе двадцати двух человек, но в эту пропахшую навозом и мокрую от дождя дыру меня привело дело личного свойства, поэтому большую часть своих людей я оставил в миле позади. За мной расположился Осберт, мой младший сын, на сером жеребце. Ему исполнилось девятнадцать, на нем была кольчуга, на боку висел меч. Парень стал уже взрослым мужчиной, но я продолжал думать о нем как о мальчишке. Меня он боялся, как я боялся своего отца. Некоторые матери балуют сыновей, но Осберт рос без матери, и я воспитывал его в строгости, так как мужчине полагается быть суровым. Мир полон врагов. Христиане учат нас любить врагов и подставлять другую щеку. Христиане – глупцы.

Рядом с Осбертом застыл Этельстан, незаконнорожденный старший сын Эдуарда, короля Уэссекса. Мальчишке стукнуло всего восемь, но, как и Осберт, он был облачен в кольчугу. Этельстан не боялся меня. Я попытался припугнуть его, но он только глянул на меня холодными синими глазами, потом ухмыльнулся. Я любил этого парнишку так же сильно, как Осберта.

Оба они приняли крещение. Я вел бой, который не мог выиграть. В мире смерти, предательства и нищеты христиане обречены на победу. Разумеется, старых богов до сих пор почитают, но их оттеснили в горные долины, потаенные места, к северным окраинам мира, тогда как христианство расползается как чума. Пригвожденный Господь христиан всемогущ – я признаю это. Я всегда знал, что их Бог обладает великой силой, и не понимал, почему мои боги позволяют ублюдку побеждать, но это так. Он лжец – вот единственное объяснение, которое приходит на ум. Распятый Бог шельмует и обманывает, а плуты и обманщики всегда выигрывают.

И вот я ждал на раскисшей улице, а Молния бил тяжелым копытом по луже. Поверх кожаного и кольчужного доспеха я набросил плащ из темно-синей шерсти с горностаевой оторочкой. На шее у меня висел молот Тора, а на голове возвышался шлем с волчьей мордой, прикрывающие щеки пластины были открыты. Дождь стекал с края шлема. Я надел кожаные сапоги и заткнул голенища тряпкой, чтобы влага не попадала внутрь, натянул боевые рука-

вицы. Руки унизаны золотыми и серебряными браслетами. Браслетами, которые воин получает, убивая врагов. Я был во всей своей славе, хотя неприятель, противостоявший мне, не заслуживал такой чести.

– Отец, – начал Осберт. – Что, если...

– Я обращался к тебе?

– Нет.

– Тогда молчи, – отрезал я.

Я не хотел этого показывать, но меня переполняла ярость. Гнев, не имеющий выхода, просто гнев на мир, на этот жалкий тусклый мир. Бессильный гнев. Враги прятались за закрытыми дверями и пели. Я слышал их голоса, хотя не различал слов. Они видели меня, без сомнения, как и то, что улица за моей спиной пуста. Обитатели этого городка не желали принимать участия в том, что случится.

Но что произойдет, я не знал и сам, хотя и стал причиной событий. А быть может, двери останутся запертыми и враги решат отсидеться в здании из прочных бревен? Наверняка именно этот вопрос собирался задать Осберт. Что, если враги не выйдут? Сын едва ли назвал бы их врагами – скорее сказал бы так: «Что, если они не выйдут?»

– Если они не выйдут, – проговорил я, – мне придется вышибить их проклятые двери, войти и вытащить ублюдка. Если до этого дойдет, вы двое останетесь здесь и будете держать Молнию.

– Да, отец.

– Я пойду с тобой, – заявил Этельстан.

– Пойдешь, если я тебе велю.

– Да, господин Утред, – почтительно отозвался мальчонка, но я знал, что он ухмыляется.

Мне не требовалось оборачиваться, чтобы уловить эту дерзкую ухмылку, но не обернулся я потому, что в этот миг пение прекратилось. Некоторое время спустя двери открылись.

Вышли сначала полдюжины старших, затем младшие. Я видел, как последние смотрят на меня, но даже вид Утреда, вождя во славе и гневе, не мог умерить их радости. Эти парни выглядели такими счастливыми: улыбались, хлопали друг друга по спине, обнимались и смеялись.

Шестеро стариков не смеялись. Они направились ко мне, я же не тронулся с места.

– Мне сказали, что ты господин Утред, – заговорил один из них.

Старик был одет в грубый белый балахон и подпоясан веревкой. Узкое, темное от загара лицо бороздили морщины, особенно глубокие вокруг глаз и у рта. Седые волосы падали на плечи, а борода спускалась до пояса. Физиономия его показалась мне лукавой, вместе с тем в нем чувствовалась властность. Видимо, это был церковник высокого ранга – в руке он держал тяжелый посох, увенчанный узорчатым серебряным крестом.

Я молчал, разглядывая молодежь. По большей части то были мальчишки или мальчишки, недавно ставшие мужчинами. Макушки, где им выбрили волосы, блестели в тусклом свете дня. Вот из дверей вышло несколько человек постарше. Я предположил, что это родители мальчиков-мужчин.

– Господин Утред, – снова начал церковник.

– Я заговорю с тобой, когда буду готов говорить, – буркнул я.

– Едва ли это случится, – заявил он, обратив ко мне крест, будто тот мог меня напугать.

– Прополощи свой поганый рот козлиной мочой, – прикрикнул я на него.

Наконец я заметил юнца, которого искал, и ударом каблуков бросил Молнию вперед. Двое из старейшин попытались меня задержать, но жеребец клацнул своими зубищами, и церковники отшатнулись. Лучшие копейщики данов разбежались перед Молнией, шестеро же стариков разметало, как хлебные крошки. Я направил скакуна в толпу молодежи, наклонился и

ухватил черную рясу одного из юнцов. Подняв, я швырнул его животом на луку седла и коленями развернул коня.

Тут и начались сложности. Двое или трое из юнцов попытались помешать мне. Один схватил жеребца за уздечку. То была ошибка, большая ошибка. Клацнули зубы, мальчик-муж вскрикнул, я вздыбил коня, и тот замолотил передними копытами. Я слышал, как одно из них с хрустом ударило в кость, увидел брызнувшую кровь. Молния, обученный двигаться, чтобы не дать противнику спутать задние ноги, кинулся вперед. Я подгонял его, заметив упавшего человека с раскроенным черепом. Другой болван схватил меня за правый сапог в расчете стянуть с седла. Я с силой опустил кулак, и хватка ослабла. Потом вызов мне бросил человек с длинными седыми волосами. Он кинулся за мной в толпу, веля отпустить пленника, после чего, как дурак, замахнулся тяжелым серебряным крестом на длинной палке в сторону головы Молнии. Но привычный к бою конь легко увернулся, я же склонился, схватил посох и вырвал его из рук старика. Но тот не сдавался: изрыгал проклятия, вцепился в узду скакуна и попытался подтащить жеребца поближе к юнцам. В этой куче меня, надо полагать, рассчитывали одолеть числом.

Я вскинул посох и с силой опустил его, пользуясь нижним концом как копьем. Я не знал, что тот увенчан железным наконечником, вероятно с целью втыкать крест в землю. Я хотел только оглушить глупца, но вместо этого посох погрузился ему в голову, пробив череп. Мрачный серый день обагрился кровью. К христианским небесам вознеслись вопли, я бросил посох, и одетый в белое – а теперь в белое с красным – человек остался стоять, покачиваясь. Рот его открывался и закрывался, глаза блестели, а христианский крест торчал из головы. Длинные седые волосы стали красными, потом он упал. Просто рухнул, как камень.

– Аббат! – взвился крик.

Я ударил Молнию в бока, и конь устремился вперед, раскидав последних юнцов. Их матери завизжали. Лежащий поперек моего седла пытался вырваться, и едва мы выбрались из толпы на пустую улицу, я резко ударил его по шее.

Этот парень был моим сыном. Моим старшим сыном. Его звали Утред, сын Утрета, и я слишком поздно прискакал из Лундена, чтобы помешать ему стать священником. Бродячий проповедник, один из тех длинноволосых, с нечесаной бородой попов с глазами безумца, которые выманивают у глупцов серебро в обмен на благословение, сообщил мне о решении сына.

– Весь христианский мир возрадуется, – заявил он, лукаво глядя на меня.

– Чему возрадуется? – спросил я.

– Тому, что сын твой станет священником! Через два дня, как я слышал, в Тофкестере.

Этим и занимаются христиане в своих церквях – плодят колдунов, превращая мальчиков в чернорясных попов, которые будут распространять это дерьмо еще дальше. И вот мой сын, мой старший сын, стал теперь проклятым христианским священником. Я снова ударил его.

– Ублюдок, – прорычал я. – Черноутробный ублюдок. Предатель, маленький идиот!

– Отец... – заикнулся он.

– Я тебе не отец! – взвыл я.

Выбрав на улице особо зловонную кучу навоза, сочившуюся влагой у стены сарая, я подъехал ближе и швырнул Утрета в нее:

– Ты не мой сын. И имя тебе не Утред.

– Отец...

– Хочешь, чтобы Вздох Змея коснулся твоего горла? – крикнул я. – Если желаешь быть моим сыном, скинь этот проклятый черный балахон, надень кольчугу и делай то, что я тебе скажу!

– Я служу Господу.

– Тогда выбирай себе собственное проклятое имя. Больше ты не Утред Утретсон. – Я повернулся в седле. – Осберт!

Младший направил жеребца ко мне. Вид у парня был встревоженный.

– Отец?

– С этого дня тебя зовут Утредом.

Он посмотрел на брата, потом на меня и неохотно кивнул.

– Как твое имя? – спросил я.

Юнец поколебался, но, видя мой гнев, снова кивнул:

– Меня зовут Утред, отец.

– Ты – Утред Утредсон, мой единственный сын!

Однажды, давным-давно, подобное случилось и со мной. Отец, которого звали Утредом, нарек меня Осбертом, но когда моего старшего брата, тоже Утрета, убили даны, мне дали новое имя. В нашей семье так заведено: старший сын наследует родовое имя. Моя мачеха, глупая баба, во второй раз даже окрестила меня, сказав, что иначе охраняющие небесные врата ангелы не узнают моего нового имени. Меня засунули в бочку с водой, но христианство, хвала Иисусу, смылось – я обрел старых богов и до сих пор почитаю их.

Пятеро старших священников нагнали меня. Я знал двоих из них, близнецов Сеолнота и Сеолберта. Лет тридцать назад мы вместе были заложниками в Мерсии. Нас, мальчишек, пленили северяне: судьба, которая устраивала меня, но вызывала отвращение у близнецов. Теперь они превратились в стариков: два похожих как две капли воды попа крепкого сложения, седобородые, с искаженными гневом круглыми лицами.

– Ты убил аббата Витреда! – прокричал мне один.

Он был потрясен, взбешен, почти невменяем от ярости. Я понятия не имел, который это из близнецов, потому как никогда не умел различать их.

– И лицо отца Бургреда изуродовано! – верещал второй.

Он двинулся, словно намереваясь ухватить жеребца за узду, и я быстро развернул коня, чтобы братьям грозили большие желтые зубы, изукрашившие лицо недавно рукоположенному священнику. Близнецы отпрянули.

– Аббат Витред! – простонал первый. – Он был святым человеком, никто не сравнится бы с ним!

– Он напал на меня, – ответил я.

На самом деле у меня не было намерения убивать старика, но указывать на это близнецам не имело смысла.

– Кара ждет тебя! – провозгласил один из них. – Ты будешь проклят на веки вечные!

Второй протянул руку несчастному юнцу в навозной куче и окликнул:

– Отец Утред!

– Его зовут не Утред! – рявкнул я. – И если он осмелится величать себя так, – с этими словами я посмотрел на парня, – то я найду его, вспорю живот до костей и скормлю черные потроха своей свинье. Это не мой сын. Он не достоин быть моим сыном!

Человек, недостойный быть моим сыном, с сочным чавканьем оторвался от навозной кучи. С него стекало дерьмо.

– Тогда как же меня называть? – поинтересовался он.

– Иудой, – с насмешкой бросил я.

Меня растили как христианина и пичкали историями про святых, поэтому я знал про Иуду, предавшего распятого Бога. Мне эти сказки всегда казались бессмысленными. Бог позволил пригвоздить себя к кресту, чтобы стать спасителем людей, и в то же время христиане ненавидят человека, сделавшего эту смерть возможной. По-моему, им стоит почитать его как святого, но они клеймят его предателем.

– Иудой, – повторил я, довольный, что вспомнил имя.

Юнец, бывший моим сыном, помолчал, потом кивнул.

– Отныне зовите меня отцом Иудой, – объявил он близнецам.

– Ты не можешь наречь себя... – начали Кеолнот и Кеолберт.

– Я – отец Иуда, – заявил парень твердо.

– Ты будешь отцом Утредом! – крикнул ему один из близнецов, потом указал на меня. – У него нет здесь власти! Он язычник, отщепенец, проклятый Богом!

Поп трясся от злости и едва мог говорить, но потом сделал глубокий вдох, закрыл глаза и воздел обе руки к хмурому небу.

– О Бог! – возопил он. – Обрушь гнев свой на этого грешника! Покарай его! Сгнои урожай его и порази его недугом! Яви силу свою, Господи! – Голос чернорясого сорвался на визг. – Во имя Отца и Сына и Святого Духа, я проклинаю этого человека и весь корень его!

Священник собирался с силами, я же тронул Молнию коленями, подведя могучего коня на шаг ближе к брызжущему слюной дураку. Я злился не меньше близнецов.

– Прокляни его, Господи! – снова взвыл поп. – И по великой милости Твоей низвергни сего язычника! Прокляни его и всю родню его, да не знать им никогда благодати! Обреки его, о Всевышний, на грязь, боль и нищету!

– Отец! – воскликнул тот, кто был моим сыном.

Этельстан хмыкнул, а Утред, мой единственный сын, ахнул. Потому что я пнул вопящего дурака. Высвободил правую ногу из стремени и нанес удар тяжелым сапогом. Поток слов оборвался, сменившись потоком крови. Близнец отшатнулся, правая ладонь его зажимала изуродованный рот.

– Зубы сплюнь! – приказал я, а когда он не подчинился, наполовину извлек Вздох Змея.

Поп сплюнул смесь из крови, слюны и осколков зубов.

– Ты который из вас? – уточнил я у другого близнеца.

Тот вытаращился на меня, потом спохватился:

– Кеолнот.

– Ну, теперь я хотя бы смогу различать вас, – буркнул я.

На отца Иуду я не посмотрел, просто ускакал прочь. Домой.

* * *

Наверное, проклятие Кеолберта сработало, потому как дома меня ждали смерть, дым и разорение. Кнут Ранулфсон совершил набег на мои земли. Он сжег дом. Убил моих людей. И он взял в плен Сигунн.

Все это выглядело невероятным в те дни. Мои владения располагались близ Сирренкастра, в сердце Мерсии. Шайка конных данов, рискуя жизнью и свободой, забралась так далеко, чтобы напасть на мой дом. Это я мог понять. Победа над Утредом позволяла составить мужчине имя, давала поэтам повод сочинять хвалебные песни, но враги объявились, когда дом стоял почти пустой. Они ведь наверняка выслали разведчиков. У них обязательно имелись соглядатаи среди местного населения. Лазутчики должны были сообщить врагу, что меня вызывали в Лунден к королю Эдуарду посоветоваться насчет городских укреплений. И все же они, пойдя на страшный риск, напали на почти пустой дом? Бессмыслица.

И они забрали Сигунн.

Мою женщину. Не жену. После смерти Гизелы я не взял новую супругу, хотя любовницы у меня имелись. Этельфлэд была моей любовницей. Этельфлэд была женой другого и дочерью покойного короля Альфреда, и мы не могли создать семью. Вместо нее со мной жила Сигунн, и Этельфлэд это знала.

– Не будь Сигунн, – сказала она мне однажды, – ты взял бы другую.

– А возможно, дюжину других.

– Не исключено.

Я захватил Сигунн в Бемфлеоте. Она была из данов – стройная, белокожая красавица-данка. Она рыдала по убитому мужу, когда ее вытащили из канавы, по которой струилась кровь. С тех пор мы прожили вместе без малого десять лет. Сигунн оказывали почет и осыпали ее золотом. Она была хозяйкой моего дома и вот теперь пропала. Ее увез Кнут Ранулфсон, Кнут Длинный Меч.

– Это случилось три утра назад, – сообщил Осферт.

Осферт – бастард короля Альфреда. Родитель хотел сделать из него священника, но парень, хоть и обладал лицом и складом ума клирика, предпочел стать воином. Осферт был осторожен, сдержан, умен, надежен и редко выходил из себя. Он напоминал своего отца, и чем старше становился, тем больше усиливалось сходство.

– Значит, в воскресенье утром, – уныло заметил я.

– Господин, все были в церкви, – пояснил Осферт.

– Кроме Сигунн.

– Она не христианка, господин, – сказал он с упреком в голосе.

Финан, мой товарищ и человек, кому я поручал командовать войсками на время своего отсутствия, увел двадцать воинов на усиление свиты Этельфлэд, объезжавшей Мерсию. Она осматривала бурги, обороняющие Мерсию от данов, и наверняка молилась в церквях по дороге. Ее муж Этельред неохотно покидал убежище в Глевекестре, поэтому Этельфлэд выполняла его обязанности. У нее имелись свои воины, но я все-таки опасался за дочь Альфреда: угроза исходила не со стороны мерсийцев, обожавших госпожу, но от окружения ее супруга. Поэтому я настоял, чтобы она взяла Финана и двадцать человек. В отсутствие ирландца за оборону Фагранфорды отвечал Осферт. У него осталось шесть воинов для охраны дома, амбаров, конюшни и мельницы, и этих шести должно было хватить за глаза, потому как мое имение лежало вдалеке от земель, где правят даны.

– Господин, я виноват, – сказал Осферт.

– Шестерых было достаточно, – пробормотал я.

И все шестеро мертвы, как и Херрик, мой вечный управляющий, и еще трое слуг. Увели сорок или пятьдесят лошадей, дом сожгли. Стены частично стояли, ощерясь обгорелыми бревнами, но центральная часть здания превратилась в кучу дымящегося пепла. Даны нагрянули стремительно, взломали дверь, зарезали Херрика и всех, кто пытался сопротивляться, потом забрали Сигунн и ушли.

– Они знали, что вы все уйдете в церковь, – сказал я.

– Почему и пришли в воскресенье, – закончил мысль Ситрик, еще один из моих подручных.

– И знали, что ты не будешь на службе, – добавил Осферт.

– Сколько их было? – спросил я.

– Сорок или пятьдесят, – терпеливо ответил он.

Я задавал ему этот вопрос раз в десятый. Даны не стали бы предпринимать такой набег забавы ради. Близ их земель найдется достаточно саксонских поместий, но эти парни рискнули забраться вглубь Мерсии. Ради Сигунн? Для них она никто.

– Господин, враги приходили убить тебя, – произнес Осферт.

Но даны наверняка наперед разведали местность, переговорили с путниками и знали, что я постоянно держу при себе по меньшей мере двадцать воинов. Я предпочел не брать эти два десятка в Тофкестер, собираясь наказать того, кто раньше был моим наследником, потому что воину не требуется столько помощников, чтобы разобраться с кучкой попов. Мне в качестве спутников вполне хватило сына и мальчишки. Однако даны не могли ведать, что я буду в Тофкестере, – я сам не собирался туда, пока не услышал новость, что мой проклятый отпрыск решил заделаться христианским колдуном. И все же, вопреки опасности наткнуться на моих людей, Кнут Ранулфсон повел своих в долгий, бесцельный набег. Да, численный перевес в

случае встречи оказался бы на его стороне, но Кнут потерял бы больше воинов, чем мог себе позволить. Длинный Меч – человек расчетливый, не склонный к опрометчивым поступкам. Полная бессмыслица.

– Ты уверен, что это был Кнут Ранулфсон? – спросил я у Осферта.

– Господин, у них было его знамя.

– Секира и перерубленный крест?

– Да, господин.

– А где отец Катберт?

У меня есть священники. Я не христианин, но хватка распятого Бога такова, что большинство моих воинов крещены. В те дни моим священником был Катберт. Мне он нравился – сын каменщика, долговязый и нескладный, женат на вольноотпущеннице со странным именем Мехраза. То была смуглая красотка, плененная в какой-то диковинной стране на юге. В Британию ее привез работороговец, умерший от моего меча, и вот теперь Мехраза выла и стенала, что ее муж исчез.

– Почему его не было в церкви? – спросил я Осферта. Тот только пожал плечами. Я продолжил желчно: – Брюхатил Мехразу?

– А разве когда бывает иначе? – В голосе Осферта снова прозвучало неодобрение.

– Тогда куда он делся?

– Может, они забрали его? – предположил Ситрик.

– Эти скорее убьют священника, чем возьмут в плен, – возразил я.

Я направился к сгоревшему дому. Люди ковырялись в пепле, растаскивая обугленные, дымящиеся бревна. Быть может, тело Катберта лежит под ними, черное и съезжившееся.

– Расскажи, что ты видел, – снова обратился я к Осферту.

Тот терпеливо повторил. Он был в церкви Фагранфорды, когда услышал крики со стороны усадьбы, расположенной неподалеку. Осферт выбежал из церкви и увидел, как в летнее небо поднимается первый дымок, но к моменту, когда ему удалось собрать людей и оседлать лошадь, враги ушли. Он последовал за ними, сумел разглядеть и уверен, что видел Сигунн среди всадников, облаченных в черные кольчуги.

– Господин, на ней было белое платье. То самое, которое тебе нравится.

– Но отца Катберта ты не обнаружил?

– Он был в черном, как и большинство конников, поэтому я мог его не заметить. Близко нам подойти не удалось, даны мчались как ветер.

Среди золы обнаружили кости. Я миновал дверь старого дома, обозначенную обгоревшими столбами, и вдохнул запах горелой плоти. Отпихнув обугленную балку, заметил в пепле арфу. Почему она не сгорела? Струны ссохлись до черных стручков, но рама выглядела целой. Я поднял инструмент, и теплое дерево попросту раскрошилось у меня в руках.

– Что случилось с Осликом? – спросил я.

Ослик был арфистом, поэтом, распевавшим боевые песни.

– Его убили, господин, – сказал Осферт.

Мехраза завывала еще громче. Она смотрела на кости, которые выгребали из золы.

– Вели ей заткнуться! – рявкнул я.

– Господин, это собачьи кости. – Крестьянин с граблями поклонился мне.

Домашние псы, которых так любила Сигунн. Мелкие терьеры, обученные истреблять крыс.

Крестьянин выудил из пепла оплавившееся серебряное блюдо.

– Они пришли не убить меня, – пробормотал я, глядя на маленькие грудные клетки терьеров.

– А зачем еще? – удивился Ситрик.

Ситрик был некогда моим слугой, а теперь стал дружинником, причем хорошим.

– Они пожаловали за Сигунн, – буркнул я, потому что не мог придумать иного объяснения.

– Но почему, лорд? Она ведь не твоя жена.

– Не жена. Но я люблю ее. Это значит, Кнуту что-то нужно.

– Кнут Длинный Меч, – с угрозой проговорил Ситрик.

Ситрик не был трусом. От Кьяртана, своего отца, Ситрик унаследовал искусство обращения с оружием. Воин стоял рядом со мной в «стене щитов», и я знал его храбрость, но при имени Кнута голос его дрогнул. Неудивительно – Кнут Ранулфсон был легендой в землях, где правят даны. Худошавый мужчина с очень бледной кожей и волосами белыми, как кость, хотя совсем еще не старик. Думается, ему было лет под сорок – это довольно много, но волосы Кнута белы с самого рождения. Уродился он хитрым и безжалостным. Его меч, Ледяная Злость, вселял страх от северных островов до южного побережья Уэссекса, а слава привлекала дружинников, пересекавших моря, чтобы служить такому вождю. Он и его приятель Зигурд Торрсон – самые могущественные лорды данов в Нортумбрии. Они питали намерение сделаться такими для всей Британии, да только один недруг раз за разом давал им отпор.

И вот теперь Кнут Ранулфсон, Кнут Длинный Меч, этот самый опасный мечник в Британии, захватил женщину этого недруга.

– Ему нужно что-то, – повторил я.

– Ты? – спросил Осферт.

– Это мы узнаем, – проговорил я. И оказался прав.

То, чего хотел Кнут Ранулфсон, мы выяснили в тот вечер, когда отец Катберт вернулся домой. Священника привез торговец пушниной – Катберт сидел у него в фургоне. Предупредила нас Мехраза – ее вопль.

Я был в большом амбаре, который даны не успели спалить, а мы стали использовать как жилой дом, пока не построим новый. Я наблюдал, как работники складывают из камней очаг, а услышав крик, выбежал наружу и заметил подсакивающий на кочках фургон. Мехраза вцепилась в мужа, а Катберт размахивал длинными костлявыми руками. Мехраза не умолкала.

– Тихо! – рявкнул я.

Мои люди выскочили вслед за мной. Торговец пушниной остановил фургон и при моем приближении рухнул на колени. Он сообщил, что нашел отца Катберта на севере.

– Господин, священник был у Беоргфорда, у реки, – сообщил купец. – Они швырялись в него камнями.

– Кто швырялся камнями?

– Мальчишки, господин. Дети баловались.

Выходит, Кнут направился к тому броду и там, скорее всего, отпустил попа. Длинная ряса Катберта была порвана и перепачкана, а бритый череп украшали багровые шишки.

– Как ты поступил с мальчишками?

– Просто разогнал, господин.

– Где он был?

– В камышах, лорд, у реки. Плакал.

– Отец Катберт! – воскликнул я, подходя к фургону.

– Господин! Господин! – Священник протянул мне руку.

– Он не может плакать, – сказал я торговцу. – Осферт, дай этому человеку денег. – Потом снова обратился к купцу: – Мы накормим тебя и приютим на ночь лошадей.

– Господин! – проскулил отец Катберт.

Я подошел к повозке и поднял попа. Тот был высоким, но на удивление легким.

– Стоять можешь? – спросил я его.

– Да, господин.

Я опустил священника на землю, придержал, потом отступил на шаг, давая Мехразе обнять мужа.

– Господин, – пробормотал он поверх плеча жены. – У меня послание.

Голос у него был такой, будто он плачет. Возможно, так оно и было, да только человек без глаз не может плакать. Тот, у кого вместо глаз две кровавые дыры, не льет слез. Слепленный и хотел бы заплакать, да не выйдет. Кнут Ранулфсон выдавил ему глаза.

* * *

Тэмворпиг – вот где я должен был встретиться с Кнутом Ранулфсоном.

– Он сказал, господин, ты знаешь почему.

– И больше ничего?

– Ты знаешь почему, – повторил священник. – И ты совершишь благое дело и встретишься с ним прежде, чем истает луна, или он убьет твою женщину. Медленно.

Я подошел к двери амбара и взгляделся в ночь, но луна пряталась за облаками. Мне не требовалось видеть, как узок ее серпик. До новолуния оставалась неделя.

– Что еще он сказал?

– Только то, что тебе следует быть в Тэмворпиге прежде, чем умрет луна, господин.

– А насчет блага? – спросил я, теряясь в догадках.

– Заявил – тебе известно, что это значит, господин.

– Но мне неизвестно!

– А еще сказал... – медленно продолжил отец Катберт.

– Что?

– Сказал, что ослепил меня, дабы я ее не видел.

– Не видел ее? Кого?!

– Сказал, что я недостойн на нее смотреть, господин.

– На кого?!

– Поэтому он ослепил меня! – взвыл священник.

Мехраза снова завизжала, и мне больше ничего не удалось от них добиться.

Но я хотя бы знал Тэмворпиг, пусть судьба ни разу не забрасывала меня в этот город на краю владений Кнута Ранулфсона. Некогда то был большой город, столица могучего короля Оффы, правителя Мерсии. Этот король отгородился стеной от валлийцев и повелевал также Нортумбрией и Уэссексом. Оффа провозгласил себя владыкой всех саксов, но он давно умер, а от его великой Мерсии остались лишь обломки, оспариваемые данами и саксами. Тэмворпиг, некогда столица величайшего государя всей Британии, твердыня, скрывавшая его внушающие ужас войска, превратился в унылые развалины, где саксы тяжело трудились на благо ярлов. А еще там размещалось самое южное из поместий Кнута – крайний оплот власти данов в оспариваемом приграничье.

– Это ловушка, – предупредил Осферт.

Я почему-то сомневался в этом. Главное – внутренний голос. Кнут Ранулфсон совершил отчаянный поступок, пошел на огромный риск. Он послал – или повел – воинов далеко вглубь Мерсии, где его немногочисленный отряд с легкостью могли отрезать и перебить до последнего человека. Но почему-то он пошел на этот риск. Ему что-то нужно, и дан уверен, что у меня это есть. Поэтому и вызывает меня не в одно из больших поместий в сердце своей земли, но в Тэмворпиг, лежащий совсем близко к владениям саксов.

– Мы поедем, – решил я.

Я взял всех мужчин, способных сидеть на лошади. Всего получилось шестьдесят восемь воинов, облаченных в кольчуги и шлемы, вооруженных щитами, секирами, мечами, копьями

и боевыми молотами. Мы скакали под моим знаменем с волком. Скакали на север, навстречу ветрам холодного лета и внезапно налетавшим яростным ливням.

– Урожай будет плохим, – бросил я Осферту по пути.

– Как и в прошлом году, господин.

– Нам стоит вызнать, кто продает зерно.

– Цена подскочит.

– Лучше так, чем голодные дети, – ответил я.

– Ты – хлафорд, – отозвался Осферт.

Я повернулся в седле:

– Этельстан!

– Лорд Утред? – Парень заставил жеребца прибавить ходу.

– Почему меня назвали хлафордом?

– Потому что ты хранитель каравая, господин, – пояснил Этельстан. – Долг хлафорда – кормить своих людей.

Я одобительно хмыкнул. Хлафорд – господин, оберегающий хлаф, то есть каравай. Мой долг – не дать моим людям помереть с голоду во время трудной зимы, и если это требует золота, значит золото должно быть потрачено. Золото у меня имелось, но его всегда не хватало. Я грезил о Беббанбурге, крепости на севере, которую украл у меня Эльфрик, мой дядя. Это неприступный форт, последний оплот на побережье Нортумбрии, такой могучий и мрачный, что даны так и не сумели его захватить. Они овладели всей Северной Британией, от богатых пастбищ Мерсии до дикой шотландской границы, но взять Беббанбург не смогли. И если я собираюсь отбить его, мне потребуется больше золота в уплату дружинникам, больше золота на копья, больше золота на топоры, больше золота на мечи. Больше золота, чтобы одолеть родичей, укравших мою крепость. Но чтобы добраться до нее, нужно пробиться через все земли данов, и я начинаю опасаться, что умру раньше, чем снова увижу Беббанбург.

До Тэмворпига мы доехали на второй день пути. Где-то пересекли границу между землями саксов и данов. Граница эта – не какая-то четко очерченная линия, но широкая полоса, где все укрепления сожжены, сады вырублены и где редко бродят иные животные, кроме диких. И все же некоторые из старых ферм отстроили заново: попадался то новый амбар из свежих белых бревен, тут и там на лугах паслись стада. Мир привлекает крестьян на пограничные земли. Этот мир длился со времен сражения в Восточной Англии, которое произошло после кончины Альфреда. Хотя мир всегда был условным. Случались набеги за скотом, за рабами, стычки из-за межей, но армии не созывались. Даны по-прежнему хотели завоевать юг, а саксы мечтали отобрать у них север, но десять лет мы жили в хрупкой тишине. Я был не прочь нарушить покой, повести войско на север, на Беббанбург, но ни Мерсия, ни Уэссекс не могли дать мне людей, поэтому я тоже хранил мир.

И вот теперь Кнут его нарушил.

Он знал, что мы идем. Кнут наверняка выставил дозорных, чтобы наблюдать за всеми дорогами с юга, поэтому мы не принимали мер предосторожности. Обычно, направляясь к дикой границе, всегда сами высылали вперед разведчиков, но в тот раз ехали открыто, следуя римской дорогой. Мы знали, что Кнут ждет. И он ждал.

Тэмворпиг располагался сразу к северу от реки Тэм. Кнут встретил нас к югу от нее и, видимо, решил попугать, потому как выстроил в «стену щитов» поперек дороги двести с лишним воинов. Его стяг с изображением секиры, перерубающей христианский крест, развевался в середине боевого порядка. Сам Кнут, внушительный в своей кольчуге, в ниспадающем с плеч темно-коричневом плаще с меховым подбоем, с руками, унизанными золотом, восседал на коне в нескольких шагах впереди линии.

Я остановил своих и поехал дальше один.

Кнут поскакал мне навстречу.

На расстоянии удара копья мы оба вздыбили жеребцов и посмотрели друг на друга. Лицо дана обрамлял шлем. Бледная кожа казалась пепельной, а губы, обычно с такой легкостью складывающиеся в улыбку, были стиснуты, как еще один зловещий шрам. Он выглядел старше, чем я его помнил, и мне подумалось в тот миг, что, если Кнут Ранулфсон намерен исполнить мечту своей жизни, ему следует поторопиться.

Шел дождь. Ворон взлетел с ветвей ясеня, и я пытался угадать, что может сулить этот знак.

– Ярл Кнут, – нарушил я молчание.

– Господин Утред, – отозвался он. Его конь, серый жеребец, прынул в сторону, и наездник шлепнул его кольчужной рукавицей, чтобы успокоить. – Я позвал тебя, и ты прибежал как испуганный ребенок.

– Хочешь устроить обмен оскорблениями? – спросил я. – Ты, кто рожден женщиной, ложившейся под каждого мужчину, стоило тому лишь щелкнуть пальцами?

Некоторое время дан молчал. По левую руку от меня, прячась за деревьями, струилась река, стывая под этим промозглым летним дождем. Два лебедя летели вверх по течению, крылья их медленно рассекали холодный воздух. Ворон и два лебедя? Я коснулся висящего на шее молота, надеясь, что предзнаменование сулит добро.

– Где она? – спросил Кнут наконец.

– Знай я, о ком речь, мог бы ответить.

Ярл смотрел мимо меня, туда, где ждали, не сходя с седел, мои люди.

– Ты не взял ее с собой, – глухо проронил он.

– Ты и дальше намерен говорить загадками? – вскинулся я. – Тогда разгадай одну: четыре стручка, четыре шестка, впереди две гнутые палки, позади мочалка.

– Поберегись, – прорычал Кнут.

– Ответ – коза, – сказал я. – Четыре сосца, четыре ноги, два рога и хвост. Простенькая загадка, в отличие от твоей.

– Две недели назад, – отозвался он, упершись в меня взглядом. – Этот штандарт побывал на моей земле. – Он указал на мой стяг.

– Я не посылал его и сам не нес.

– Семьдесят воинов, так мне сообщили, – не обратив внимания на мои слова, продолжил Кнут. – Они направлялись в Буккестан.

– Когда-то давно я бывал там.

– Воины схватили мою жену, а еще сына и дочь.

Я уставился на него. Ярл сказал это без выражения, но на лице его читались горе и обида.

– Слышал, что у тебя родился сын, – проговорил я.

– Его зовут Кнут Кнутсон, и ты пленил его, а еще – его мать и сестру.

– Я не делал этого, – заявил я твердо.

Первая жена Кнута умерла много лет назад, как и их дети, но до меня дошли вести о новом браке ярла. То был неожиданный союз. Все ждали, что Кнут возьмет супругу ради выгоды, земель, богатого приданого или союза, но слухи гласили, что избранница его была простой крестьянской девушкой. О ней говорили как о редкой красавице, и она принесла мужу близнецов, мальчика и девочку. У Кнута, разумеется, были и другие дети, все незаконнорожденные, но новая супруга подарила ему самое дорогое – наследника.

– Сколько твоему сыну? – спросил я.

– Шесть лет и семь месяцев.

– И чего ради его повезли в Буккестан? Узнать будущее?

– Жена взяла его посмотреть на колдунью, – ответил Кнут.

– Старуха жива? – удивился я. Когда мы в последний раз виделись, чародейка была дряхлой, и мне казалось, что ей уже давно пришел срок умереть.

– Молись, чтобы мои жена и дети были живы, – отрезал Кнут. – И невредимы.

– Мне ничего не ведомо про твоих близких, – сказал я.

– Их схватили твои люди! – отрезал дан. – Это был твой стяг!

Его ладонь в кольчужной рукавице легла на рукоять меча, Ледяной Злости.

– Верни их мне, – продолжил ярл. – Иначе я отдам твою женщину своим воинам, а когда те натешатся, обдеру ее заживо, медленно, а потом пошлю кожу тебе на чепрак.

Я повернулся в седле:

– Утред! Иди сюда!

Сын подвел коня, остановился рядом, посмотрел на Кнута, потом на меня.

– Слезай с седла! – приказал я парню. – Подойди к стремяни Кнута.

Утред помедлил один миг, потом спрыгнул наземь. Я наклонился, чтобы взять уздечку его коня. Ярл нахмурился, не понимая что происходит, потом опустил глаза на Утреда, покорно вставшего рядом с могучим серым жеребцом.

– Это мой единственный сын, – сказал я.

– Мне помнится... – начал было дан.

– Это единственный мой сын, – отрезал я сердито. – Если я солгал тебе, можешь взять его и сделать с ним что хочешь. Клянусь жизнью единственного сына, что не захватывал твою жену и детей. Не посылал людей в твои земли. И ничего не знаю о набеге на Буккестан.

– Они несли твой стяг.

– Стяг легко изготовить, – возразил я.

Дождь усилился, налетая с порывами ветра, секшего лужи между рядками хлебов в ближайших полях. Кнут сверху вниз посмотрел на Утреда.

– Он похож на тебя, – буркнул ярл. – Уродливый, как жаба.

– Я не ходил на Буккестан, – твердо повторил я. – И не посылал людей в твои земли.

– Садись на коня, – бросил Кнут моему сыну, потом повернулся ко мне. – Ты враг, господин Утред.

– Верно.

– Но думаю, не прочь утолить жажду?

– Тоже правда, – отозвался я.

– Тогда вели своим держать мечи в ножнах. А еще напхни, что это мои владения и я с удовольствием убью любого, кто расстроит меня. Потом веди их в поместье. У нас есть эль. Эль не то чтобы добрый, но для саксонских свиней сойдет.

Ярл развернул коня и ускакал. Мы отправились следом.

Дом стоял на вершине небольшого холма, а последний был обнесен древним земляным валом. Насыпали его, надо полагать, по приказу короля Оффы. Вал венчал частокол, а за этими деревянными стенами пряталась жилистая постройка с высокой крышей, темные бревна которой почернели от старости. Некоторые из бревен украшали сложные узоры, но лишайник скрыл резьбу. Над главным входом висели рога и волчья черепа, внутри же крыша покоилась на мощных дубовых балках, с которых тоже свисали черепа. Освещался дом жарким пламенем, бушующим в центральном очаге. Если гостеприимство со стороны Кнута удивило меня, то еще сильнее я был поражен, вступив в главный зал, ибо на помосте, ухмыляясь, как чокнутая белка, сидел Хэстен.

Хэстен. Много лет назад я спас его, подарил свободу и жизнь, он же отплатил мне предательством. Когда-то Хэстен был могуч, а его армии угрожали самому Уэссексу, но судьба посмеялась над ним. Я уже забыл, сколько раз сражался с ним и всегда бил, но он всякий раз ускользал как змея из-под граблей крестьянина. Вот уже много лет, как Хэстен обосновался с горстью дружинников в древнем римском форте Сестер, и мы не трогали его. Теперь же он оказался в Тэмворпиге.

– Хэстен принес мне клятву верности, – пояснил Кнут, заметив мое удивление.

– Мне он тоже клялся.

– Господин Утред! – Хэстен кинулся ко мне, раскинув руки для объятия, с улыбкой широкой, как русло Темеза.

Он выглядел старым и действительно постарел. Мы все постарели. Волосы его подернулись серебром, лицо покрыли морщины, но глаза остались, как прежде, хитрыми, живыми и веселыми. Мерзавец явно процветал: золотые браслеты на руках, золотая цепь с золотым молотом на шее, еще один золотой молоточек в мочке левого уха.

– Всегда рад видеть тебя, – воскликнул он.

– Одностороннее удовольствие, – отрезал я.

– Мы должны быть друзьями! – заявил Хэстен. – С войнами покончено!

– Неужели?

– Саксы держат юг, даны живут на севере. Какое замечательное решение – куда лучше, чем убивать друг друга, не так ли?

– Если ты говоришь, что войнам конец, то я знаю точно, что скоро увижу «стены щитов».

Они бы появились уже давно, будь моя воля. Я лет десять вынашивал планы выпихнуть Хэстена из его убежища в Сестере, но мой кузен Этельред, правитель Мерсии, постоянно отказывался дать мне необходимое войско. Я просил даже Эдуарда Уэссекского, но тот тоже сказал «нет», ссылаясь на то, что Сестер лежит в Мерсии, не в Уэссексе, и это дело Этельреда. Последний ненавидел меня и предпочитал видеть данов в Сестере, но не допустить роста моей славы. Теперь, судя по всему, Хэстен заручился поддержкой Кнута, и выкурить его из Сестера станет еще труднее.

– Господин Утред не доверяет мне, – пожаловался Хэстен Кнуту. – Но я ведь переменялся!

– Переменялся, – подтвердил ярл. – Потому как, если ты предашь меня, я вытащу кости из твоего тела и скормлю своим псам.

– Твои бедные собачки должны быть очень голодными, – хмыкнул Хэстен.

Кнут отмахнулся от него и повел меня к высокому столу на помосте.

– Он полезен мне, – объяснил ярл присутствие Хэстена.

– Ты ему веришь? – спросил я.

– Я никому не верю, но поскольку вселяю в него страх, то да, я верю, что он будет мне послушен.

– А почему сам не хочешь взять Сестер?

– Сколько там народу? Сотни полторы воинов? Так пусть Хэстен сам кормит их, сберегая мою казну. Он теперь мой пес. Я чешу ему за ухом, а он исполняет мои команды.

Тем не менее ярл отвел Хэстену место за высоким столом, хотя и в дальнем от нас конце. Зал был достаточно просторен, чтобы вместить людей Кнута и моих, а в противоположном конце, поодаль от очага и близ главной двери, два стола были накрыты для калек и нищих.

– Получат объедки, – пояснил Кнут.

Увечные и нищие наелись досыта, потому как Кнут закатил для нас тем вечером настоящий пир. Подавали жареные кобыльи окорока, блюда с бобами и луком, жирную форель и окуня, свежее испеченный хлеб и большие порции кровавого пудинга, который мне так нравится. Все это мы запивали элем, оказавшимся на удивление хорошим. Первый рог ярл налил мне, потом мрачно посмотрел на столы, за которыми его люди смешались с моими.

– Я редко живу в этой усадьбе, – сказал он. – Слишком близко к вам, вонючим саксам.

– Хочешь, спалю ее? – предложил я.

– Потому что я спалил твою? – Мысль как будто позабавила его. Он ухмыльнулся. – Сожжение твоей усадьбы – месть за «Победителя морей».

«Победитель морей» был лучшим кораблем Кнута, а я обратил его в обугленный остов.

– Ты сволочь, – сказал ярл и ударил своим кубком об мой. – Так что случилось с другим твоим сыном? Умер?

– Стал христианским священником. Поэтому в том, что касается меня, – да, он умер.

Кнут рассмеялся, потом указал на Утреда:

– А этот?

– Этот – воин, – ответил я.

– Похож на тебя. Надеюсь, не будет так же хорош в бою, как ты. А другой парень?

– Этельстан. Сын короля Эдуарда.

– Ты привел его сюда? – Кнут нахмурился. – Почему бы мне не взять мелкого ублюдка в заложники?

– Именно потому, что он ублюдок.

– А, – протянул он понимающе. – Значит, ему не быть королем Уэссекса?

– У Эдуарда есть другие сыновья.

– Надеюсь, мой сын унаследует мои земли, – заявил Кнут. – Возможно, так и будет. Хороший мальчик. Но правит сильнейший, господин Утред, а не тот, кто вылезает на свет промеж ног у королевы.

– У королевы может быть другое мнение.

– Кого волнует мнение женщины?

Голос его звучал беззаботно, но я угадывал притворство. Ему хотелось, чтобы его земли и богатства перешли к сыну. Нам всем этого хочется, и я пожегся от гнева при мысли об отце Иуде. Но у меня хотя бы был второй сын, хороший сын, тогда как у Кнута – только один, и теперь мальчишка пропал. Ярл вонзил нож в окорок и отрезал щедрый кусок для меня.

– Почему твои люди не едят конину? – Он обратил внимание, что многие не притрагиваются к мясу.

– Их Бог не допускает этого, – сказал я.

Дан посмотрел на меня, решая, шучу я или нет:

– Правда?

– Правда. У них в Риме сидит верховный колдун, – пояснил я. – Его называют папой. Он говорит, что христианам не разрешается есть конину.

– Почему?

– Мы приносим лошадей в жертву Одину и Тору и едим их мясо. Поэтому им нельзя.

– Ну, нам больше достанется, – сказал Кнут. – Как жаль, что Бог не заставляет их отказываться от женщин.

Ярл расхохотался. Он всегда любил шутки и теперь удивил меня, поделившись одной:

– Знаешь, почему пердеж воняет?

– Не знаю.

– Чтобы глухие тоже могли порадоваться.

Он снова рассмеялся, я же пытался понять, как может человек, горюющий по пропавшим близким, быть таким легкомысленным. Возможно, Кнут угадал мои мысли, потому как вдруг посерьезнел:

– Так кто захватил мою жену и детей?

– Не знаю.

Ярл побарабанил пальцами по столу.

– Мои враги, – промолвил он, спустя несколько мгновений, – это саксы, норманны в Ирландии и шотландцы. Так что это кто-то из них.

– Почему не другие даны?

– Они не осмелились бы, – уверенно заявил Кнут. – Я думаю, это были саксы.

– Почему?

– Кое-кто слышал их разговор. Она утверждает, что говорили на вашем поганом языке.

– Есть саксы, которые служат норманнам, – заметил я.

– Их мало. Так кто захватил моих?

– Тот, кто намерен использовать их как заложников.

– Кто?

– Не я.

– По какой-то причине я верю тебе, – сказал ярл. – Быть может, я становлюсь старым и доверчивым, но мне жаль, что я сжег твой дом и ослепил твоего попа.

– Кнут Длинный Меч извиняется?! – воскликнул я в притворном изумлении.

– Старею, должно быть, – повторил он.

– Еще ты увел моих лошадей.

– Их я оставляю.

Дан воткнул нож в головку сыра, отрезал кусок, потом оглядел зал, освещаемый большим очагом, вокруг которого дремала дюжина псов.

– Почему ты не взял Беббанбург? – спросил он.

– А ты?

Ярл коротко кивнул в ответ. Подобно всем данам, Кнут облизывался на Беббанбург, и я знал, что в уме он прикидывает, как овладеть им.

– Требуется четыре сотни воинов, – проворчал он, пожав плечами.

– У тебя они есть. У меня – нет.

– И даже так они полягут, пробиваясь через тот перешеек.

– А если я соберусь взять крепость, – заговорил я, – мне предстоит провести эти четыре сотни через твои земли, земли Зигурда Торрсона, а потом сразиться с дядей на перешейке.

– Твой дядя стар. Слышал, он болеет.

– Хорошо.

– Его сын унаследует Беббанбург. Лучше он, чем ты.

– Лучше?

– Не такой воин, как ты, – пояснил Кнут. Эту похвалу он высказал против воли, не глядя на меня. Не отрывая глаз от очага, ярл продолжил: – Если я окажу тебе услугу, то могу рассчитывать на услугу взамен?

– Может быть, – осторожно ответил я.

Ярл хлопнул ладонью по столу, перепугав четырех собак, дремавших поблизости, потом подозвал одного из своих людей. Кнут кивнул на дверь зала, и воин покорно удалился в ночь.

– Выясни, кто захватил моих близких, – сказал дан.

– Если это сакс, то, скорее всего, я смогу.

– Постарайся, – хрипло бросил он. – И быть может, помоги мне вернуть их. – Кнут замолчал, его светлые глаза смотрели на зал. – Я слышал, у тебя красивая дочь?

– Думаю, да.

– Выдай ее за моего сына.

– Стиорра на десять лет старше Кнута Кнутсона.

– Вот как? Идиот, он же не по любви на ней женится, но ради союза. Я и ты, господин Утред, вдвоем мы заберем весь этот остров.

– И что мне делать с целым островом?

– Ты на коротком поводке у той суки? – Губы его скривились в полуусмешке.

– Какой?

– У Этельфлэд, – бросил он.

– А кто держит на поводке Кнута Длинный Меч? – поинтересовался я.

Ярл засмеялся, но не ответил. Вместо этого он кивнул в сторону двери:

– А вот еще одна твоя сука. Ей не причинили вреда.

Отосланный Кнутом человек привел Сигунн, которая стояла на пороге, опасливо озираясь, пока не заметила меня. Она пробежала через весь холл, обогнула стол и обвила меня руками. При этом проявлении чувств Кнут расхохотался.

– Можешь остаться здесь, женщина, – сказал он. – Среди своего народа.

Сигунн ничего не ответила, только крепче прижалась ко мне. Поверх ее плеча я увидел ухмылку Кнута.

– Иди с миром, сакс, – сказал ярл. – Но вызнай, кто ненавидит меня. Кто забрал моих жену и детей.

– Если смогу, – пообещал я.

Не стоило так бросаться словами. Кто мог захватить семью Кнута Длинный Меч? Кто отважился бы? Но я не мог рассуждать здраво. Я думал, что их пленили, чтобы навредить Кнуту, но ошибался. Здесь присутствовал Хэстен, поклявшийся в верности Кнуту. Но Хэстен как Локи, этот бог-проказник, и мне стоило задуматься. Но вместо этого я пил, говорил, смеялся над шутками Кнута и внимал сказаниям арфиста, воспевающего победы над саксами.

А на следующее утро забрал Сигунн и отправился в обратный путь на юг.

Глава вторая

Мой сын Утред. Было странно называть его так, особенно поначалу. Почти двадцать лет я знал его как Осберта, и новое имя давалось с трудом. Наверное, мой отец испытывал то же самое, когда переназвал меня. По пути из Тэмворпига я поманил Утрета к себе.

– Ты еще не сражался в «стене щитов», – сказал я ему.

– Не сражался, отец.

– Пока этого не произошло, ты не мужчина.

– Я хочу стать им.

– А я хочу защитить тебя. Я потерял одного сына и не желаю лишиться другого.

Мы молча ехали по сырой серой земле. Ветра почти не было, и деревья склонялись под весом намокших листьев. Урожай точно будет плохим. Наступали сумерки, с запада лился тусклый свет, отражаясь в заливающих поля лужах. Два ворона медленно летели к облакам, за которыми скрылось умирающее солнце.

– Я не смогу вечно оберегать тебя, – продолжил я. – Рано или поздно тебе придется сразиться в «стене щитов». Ты должен будешь проявить себя.

– Знаю, отец.

Не виной моего сына было то, что он нигде еще не проявил себя. Неустойчивый мир, словно густой туман, затянувший Британию, вынуждал воинов торчать в своих усадьбах. С той поры, как мы перебили копейщиков-данов в Восточной Англии, случалось много стычек, но ни одной битвы. Христианские священники говорили, что это их Бог даровал мир, дескать, на то была его воля, но то была воля мужчин, которым не хватало мужества. Король Уэссекса Эдуард довольствовался защитой владений, унаследованных от отца, и не выказывал особого стремления прирастить их. Этельред Мерсийский заперся в Глестестре. А Кнут? Великий воин, однако человек осмотрительный. Должно быть, молодая красавица-жена предоставляла ему достаточно развлечений, пока ее не захватили в плен вместе с детьми-близнецами.

– Мне нравится Кнут, – заметил я.

– Он был щедр, – отозвался сын.

Я не ответил. Кнут действительно проявил себя гостеприимным хозяином, но таков долг господина, хотя мне снова следовало насторожиться. Пир в Тэмворпиге был обильным, и приготовили его заблаговременно, то есть Кнут знал, что будет скорее потчевать меня, чем резать.

– Однажды мы убьем его и его сына, если тот когда-нибудь найдется, – сказал я. – Они стоят у нас на пути. Но пока мы сделаем то, о чем ярл нас попросил, – узнаем, кто захватил его жену и детей.

– Зачем?

– Что?

– Зачем нам помогать ему? Он ведь дан, наш враг.

– Я не говорю, что мы поможем ему, – буркнул я. – Но у того, кто завладел женой Кнута, есть что-то на уме. Я хочу знать что.

– Как зовут жену Кнута? – поинтересовался Утред.

– Я не спрашивал, но слышал, что она красива. Не то что твоя пухлая портниха, которую ты перепихиваешь каждую ночь. У этой девки лицо как свиной окорок.

– Я на лицо не смотрю, – отмахнулся сын. Потом нахмурился. – Кнут вроде как обмолвился, что его жену захватили в Буккестане?

– Так он сказал.

– Но это ведь далеко на севере, по-моему.

– Довольно далеко.

– Выходит, шайка саксов пробралась вглубь земель Кнута и никто ее не заметил и не остановил?

– Мне однажды удалось такое.

– Но ты ведь господин Утред, кудесник. – Парень ухмыльнулся.

– Я ездил туда повидаться с колдуньей, – пояснил я и вспомнил ту странную ночь и прекрасное создание, явившееся мне. Ее звали Эрсе, но поутру там оказалась только старая ведьма Эльфаделль. – Она провидит будущее, – продолжил я.

Однако Эльфаделль ничего не сказала мне про Беббанбург, а именно о нем я хотел разузнать. Услышать, что я возьму крепость, стану ее законным владельцем. Еще я думал о своем дяде, больном и дряхлом, и приходил в ярость. Мне не хотелось, чтобы он умер, не пострадав от моей руки. Беббанбург. Он преследовал меня. Последние годы я провел, стараясь накопить достаточно золота, чтобы пойти на север и осадить те могучие укрепления, но плохие урожаи истощили мой запас.

– Я старею, – пробормотал я.

– Отец? – Утред растерялся.

– Если я не завладею Беббанбургом, это сделаешь ты. Перенесешь туда мое тело и похоронишь. Положишь Вздох Змея в мою могилу.

– Ты сам возьмешь крепость.

– Я старею, – повторил я.

И не лгал. Мне перевалило за пятьдесят, а многие считают за счастье дожить до сорока. С годами умирают чаяния. Было время, когда все, о чем мы мечтали, – страна, свободная от данов, страна английского народа. Но даны до сих пор правят севером, а саксонский юг наводнили попы, которые учат подставлять другую щеку. Я размышлял о том, что случится после моей смерти. Быть может, сын Кнута возглавит последнее великое нашествие, и будут пылать усадьбы, падут церкви, а страна, которую Альфред мечтал величать Англией, станет называться Данеландом.

Осферт, незаконнорожденный сын Альфреда, прибавил хода, нагоняя нас.

– Это странно, – сказал он.

– Странно? – Я впал в полузабытье, ничего не замечая, но теперь, посмотрев вперед, обратил внимание, что небо на юге отсвечивает красным. То был багрово-красный отблеск, цвет пожара.

– Усадьба должна еще дымиться, – промолвил Осферт.

Опустились сумерки, и небо потемнело, если не считать полосы далеко на западе и отсвета пожара на юге. Пламя отражалось в облаках, запах гари распространялся на восток. Мы почти приехали, и дым мог плыть только от Фагранфорды.

– Но он не может гореть так долго, – продолжил Осферт озадаченно. – Когда мы уезжали, пожар почти потух.

– Да и дождь лил с тех пор, – добавил мой сын.

Мне подумалось на миг, что жгут стерню, но то была глупость. До сбора урожая еще долго. Я заработал пятками, подгоняя жеребца. Могучие копыта чавкали по залитым водой колеям, а я колотил коня по бокам, переводя в галоп. Этельстан на своей более легкой и быстрой лошади вырвался вперед.

– Он упрям, – проворчал Осферт.

– Ему положено, – ответил я.

Незаконнорожденному сыну приходится с боем прокладывать себе путь по жизни. Осферту это известно. Как и Осферт, Этельстан – сын короля, но не сын жены Эдуарда, а это делает его опасным для ее семьи. Ему следует быть упорным.

Мы находились теперь на моей земле, и я погнал напрямик через напитавшееся влагой пастбище к потоку, служащему для полива.

– Нет! – вырвалось у меня в отчаянии, потому как горела мельница.

Это была водяная мельница, которую я построил, и теперь ее пожирало пламя, а рядом, приплясывая, как демоны, крутились люди в черных балахонах. Этельстан, вырвавшийся далеко вперед, вздыбил лошадь, чтобы заглянуть за мельницу, туда, где горели остальные здания. Все, что не спалили воины Кнута Ранулфсона, теперь полыхало: амбар, конюшни, коровник – все. И везде, особенно черные на фоне огня, мельтешили люди.

Тут были мужчины и женщины. Людей было много, несколько десятков. Имелись и дети, которые возбужденно бегали вокруг ревушего пламени. Когда прогоревший конек крыши амбара обрушился, взметнув в темнеющее небо сноп искр, раздались ликующие крики. В сполохах я различил яркие флаги в руках у обладателей черных балахонов.

– Попы, – сказал мой сын.

Теперь я слышал пение. Ударив в бока коня, я махнул дружинникам и галопом помчался по сырому лугу к месту, бывшему моим домом. Приближаясь, я заметил, что черные балахоны сбились в кучу, блеснуло оружие. Тут собралось несколько сотен крестьян. Они глумились, вопили, а поверх голов торчали копыя, мотыги, топоры и серпы. Щитов я не видел. Это был фирд, собрание селян, защищающих свои земли. Этим людям полагалось в случае нашествия данов оборонять бурги, а они расположились в моих владениях и выкрикивали оскорбления.

Мужчина в белом плаще и на белой лошади проехал сквозь толпу. Призывая к спокойствию, он вскинул руку, а когда это не помогло, развернул коня и закричал на обозленных крестьян. Я слышал голос, но не разбирал слов. Утихомирив людей, человек в белом смотрел на них несколько мгновений, потом снова развернул лошадь и поскакал ко мне. Я остановился. Воины образовали линию по обе стороны от меня. Я вглядывался в толпу, выискивая знакомые лица, и не находил. У моих соседей, похоже, кишка оказалась тонка для поджога.

Всадник натянул поводья в нескольких шагах от меня. Это был священник. Под белым плащом скрывалась ряса, на темной ткани поблескивало серебряное распятие. Длинное лицо, резкие черты, подчеркнутые глубокими тенями, широкий рот, нос крючком, мрачные глаза, прячущиеся под густыми черными бровями.

– Я – епископ Вульфхерд, – провозгласил поп. Взгляд его встретился с моим, и за вызовом я угадал страх. – Вульфхерд Херефордский. – Сказано это было так, словно название диоцеза добавляло ему достоинства.

– Мне приходилось слышать о Херефорде, – сказал я.

То был городок на границе между Мерсией и Уэльсом – меньше нынешнего Глевекестра. По какой-то причине, известной только христианам, этот городишко удостоился епископа, тогда как многие другие, более крупные, нет. Слышал я и о Вульфхерде. Один из жадных до власти священников, нашептывающих королю в ухо. Вульфхерд мог быть епископом Херефорда, но отирался в Глевекестре, играя роль щенка Этельреда.

Я отвел взгляд, посмотрев на линию тех, кто преграждал мне путь. Сотни три? Теперь я разглядел некоторое количество мечей, но по большей части роль оружия выполняла крестьянская утварь. И все же три сотни мужчин с топорами, мотыгами и серпами способны здорово проредить мой отряд из шестидесяти восьми воинов.

– Смотри на меня! – потребовал Вульфхерд.

Не отрывая глаз от толпы, я положил ладонь на рукоять Вздоха Змея.

– Не тебе приказывать мне, Вульфхерд, – отозвался я, не глядя на него.

– Я передаю тебе приказ, – величаво заявил он, – от всемогущего Бога и лорда Этельреда.

– Я не присягал ни тому ни другому. Их приказы ничто для меня.

– Ты насмехаешься над Господом! – Епископ кричал достаточно громко, чтобы толпа его слышала.

По ней прокатился ропот, кое-кто из нее подался вперед, словно собираясь напасть на моих людей.

Епископ Вульфхерд тоже приблизился. Теперь священник смотрел мимо меня, обращаясь к моим воинам.

– Лорд Утред был отлучен от Божьей церкви! – провозгласил поп. – Он убил святого аббата и ранил других людей Господа! Постановлено, что лорд изгоняется из этих земель! Еще постановлено, что любой, кто последует за ним, кто поклянется ему в верности, тоже отлучается от Бога и от человека!

Я не шевелился. Жеребец стукнул тяжелым копытом по мягкой траве, и лошадь епископа испуганно отпрянула. Над рядом моих воинов повисла тишина. Их жены и дети видели нас и кричали через луг, прося защиты. Дома дружинников горели. Я наблюдал, как дым поднимается с расположенной на западном склоне холма улицы.

– Если вы чае узреть небеса, – увещевал моих людей церковник, – если хотите, чтобы жены ваши и дети удостоились благодати Господа нашего Иисуса, отрекитесь от сего злого человека! – Вульфхерд указал на меня. – Он изринут Богом, ввергнут во тьму! Он обречен! Он нечестивец! Он проклят! Он – мерзость пред Господом! Мерзость! – Ему явно нравилось слово, потому как епископ раз за разом произносил его. – Мерзость! И если вы останетесь с ним, решите сражаться за него, то тоже будет прокляты! Вы, ваши жены и ваши дети! Всем вам тогда предстанут вечные муки ада! А потому отриньте данную ему присягу! И знайте, что убить его – не грех! Поразивший мерзость стяжает благодать Божию!

Поп подстрекал их к убийству, но ни один из воинов не шевельнулся, хотя толпа снова расхрабрилась и с рокотом двинулась на меня. Крестьяне распяляли себя перед нападением. Следя за своими краем глаза, я заметил, что дружинники не собираются сражаться с этой кучей разъяренных христиан. Их жены не просили защиты, как показалось мне сначала, но пытались оторвать мужей от меня. Мне вспомнились оброненные как-то отцом Пирлигом слова, что женщины – самые истовые верующие. Теперь я видел, как эти женщины, христианки все до единой, подрывают преданность моих людей.

Что такое клятва? Обещание служить господину. Но у христиан всегда есть более высокая ответственность. Мои боги не требуют клятв, но распятый Бог ревнивей всякого любовника. Он требует от своих последователей, чтобы те не знали иных богов кроме него, вот ведь чепуха! И христиане склоняются перед ним, отрекаясь от старых кумиров. Я видел, что мои воины колеблются. Они смотрели на меня. Потом некоторые тронули коней – не в сторону толпы, но к западу, прочь от нее и прочь от меня.

– Это твоя вина. – Епископ Вульфхерд снова подвел свою лошадь ко мне. – Ты убил аббата Витреда, святого человека, чаша терпения Божьего народа переполнилась.

Не все мои люди дрогнули. Некоторые, особенно даны, подъехали ближе, как и Осферт.

– Ты ведь христианин, – сказал я ему. – Почему не оставил меня?

– Ты забыл, что я отринут Богом, – ответил он. – Я ведь незаконнорожденный, уже проклятый.

Мой сын и Этельстан тоже остались, но я опасался за мальчишку. Большинство моих воинов были христианами и покинули меня, тогда как угрожающая толпа исчислялась сотнями и распялялась призывами попов и монахов.

– Язычников надо уничтожить! – взывал один чернородый священник. – Его и его женщину! Они оскверняют нашу землю! Мы будем прокляты, пока они живы!

– Твои попы угрожают женщине? – спросил я Вульфхерда.

Сигунн находилась рядом со мной, сидя верхом на маленькой серой кобыле. Я тронул Молнию к епископу, и тот отвернул лошадь.

– Я дам ей меч, – сказал я, – и она выпустит наружу твои кишки, трусливая тварь!

Осферт поравнялся со мной и ухватил жеребца за уздечку.

– Разумнее будет отступить, господин, – проговорил он.

Я выхватил Вздох Змея. Багровый закат выцвел, лишь серая полоска неба осталась на западе. Повсюду разлилась темень, через редкие разрывы между облаками проглядывали первые звезды. Отблеск пожара отражался в широком лезвии Вздоха Змея.

– Сначала добуду какого-нибудь епископа, – бросил я и снова повернул коня к Вульфхерду, который так забарабанил пятками по бокам своей лошади, что та подпрыгнула, едва не сбросив седока.

– Господин! – заорал Осферт и погнал коня с намерением перехватить меня.

Толпа решила, что мы вдвоем гонимся за епископом, и хлынула вперед. Крестьяне вопили и кричали, потрясая своим грубым оружием, охваченные пылом исполнить предписанный Богом долг. Я знал, что нас задавят числом, но был зол и решил, что предпочту прорубить себе дорогу через этот сброд, чем обращаться в бегство перед ним.

Забыв про улепетывающего епископа, я направил коня на толпу. И тут прозвучал рог.

Он трубил с правой от меня стороны, где солнце дотлевало за западным горизонтом. Поток всадников на полном скаку вклинился между мной и народом. Они были в кольчугах, вооружены мечами и копьями, а лица их скрывались за нащечниками шлемов. Отблеск пожара играл на этих шлемах, обращая конников в обгаренных кровью воинов. Сырая земля превращалась в месиво под копытами коней, пока вновь прибывшие разворачивались лицом к толпе.

Один из них направился ко мне. Подъезжая, он держал меч опущенным, а затем вскинул его в приветствии. Губы его растянулись в ухмылке.

– Господин, что ты натворил? – спросил воин.

– Убил аббата.

– Ну, значит, сотворил для них мученика и святого, – хмыкнул он, потом извернулся в седле, чтобы посмотреть на всадников и толпу, которая перестала напирать, но выглядела по-прежнему угрожающей. – Думаешь, они будут благодарны тебе за еще одного святого? Да вот только им это вовсе не по нраву.

– Это случайность.

– Случайности тебя прямо-таки сами находят, господин, – снова ухмыльнулся он.

Это был Финан, мой друг, тот самый ирландец, который командовал воинами во время моего отсутствия и оберегал Этельфлэд.

Была здесь и сама Этельфлэд. Гневный ропот толпы стих, когда она неспешно подъехала, показавшись людям. В белом плаще, дочь Альфреда восседала на белой кобыле, а на светлых волосах покоился ободок из серебра. Этельфлэд выглядела как королева, ее любили в Мерсии. Узнав гостью, епископ Вульфхерд подскакал к ней и заговорил торопливо, вполголоса, но она не замечала его. Не замечала и меня – только сидела прямо в седле и смотрела на толпу. Некоторое время Этельфлэд молчала. Отсветы горящих зданий играли на серебряном венце, на украшениях вокруг шеи и на тонких запястьях. Лица ее я не видел, но знал, что сейчас оно излучает ледяную суровость.

– Вы, разойдитесь, – почти небрежно бросила она. Народ загудел, и ей пришлось повторить приказ более громко. – Разойдитесь!

Этельфлэд выждала, пока наступит тишина.

– Священники и монахи поведут вас. Те, кто пришел издалека и нуждается в пище и ночлеге, найдут и то и другое в Сирренкастре. А теперь уходите!

Она развернула кобылу. Епископ Вульфхерд последовал за ней. Я видел, как он умолял ее. Потом ее рука вскинулась.

– Кто здесь главный, епископ? – спросила Этельфлэд. – Ты или я?

В этих словах прозвучал решительный вызов. Этельфлэд не правила Мерсией. Это ее супруг повелевал Мерсией и, будь у него пара яиц, мог стать королем всей страны, но вместо этого стал рабом Уэссекса. Его безопасность зависела от помощи западных саксов, а те ока-

звали ее только потому, что Этельфлэд была его женой. А еще дочерью Альфреда, величайшего из королей западных саксов, и сестрой Эдуарда, правившего в Уэссексе теперь. Этельред ненавидел жену, но нуждался в ней. Ненавидел меня, потому как знал о нашей связи. Знал это и Вульфхерд. При брошенном ему вызове он напрягся, потом кинул взгляд на меня. Я понял, что его подмывает принять вызов и попробовать восстановить власть над мстительной толпой, но Этельфлэд уже утихомирила крестьян. Тут правила она. Правила, потому что пользовалась любовью в Мерсии, и народ, спаливший мое гнездо, не хотел обижать ее. Епископу было все равно.

– Господин Утрэд... – начал он, но был решительно прерван.

– Господин Утрэд – дурак, – заявила Этельфлэд громко, чтобы ее услышало как можно больше из присутствующих. – Он оскорбил Бога и человека. Его провозгласили изгнанником. Но резне здесь не место! Довольно пролито крови, хватит! А теперь уходи!

Последние слова адресовались прелату, но взгляд на толпу и жест подразумевали, что и прочим тоже пора удалиться.

И они ушли. Присутствие воинов Этельфлэд сыграло, конечно, свою роль, но именно ее уверенность и властность возобладали над влиянием взбесившихся попов и монахов, подбивших толпу разорить мои владения. Крестьяне ушли. Пламя продолжало озарять ночь. Остались лишь мои дружинники и воины, присягнувшие Этельфлэд. Та наконец повернулась и вперила в меня гневный взгляд.

– Ты дурак, – повторила она.

Я промолчал. Просто сидел на коне, смотрел на огонь, и мысли у меня были унылые, как болота на севере. Мне вдруг вспомнился Беббанбург, зажатый между бурливым морем и высокими скалистыми горами.

– Аббат Витред был хорошим человеком, – продолжила Этельфлэд. – Из тех, кто заботится о бедных, кормит голодных, одевает нагих.

– Он напал на меня.

– Ты ведь воин! Великий Утрэд! А он – монах! – Она осенила себя крестом. – Витред пришел из Нортумбрии, твоей страны. Даны притесняли его, но он не отступился от веры! Остался тверд, вопреки всем нападкам и ненависти язычников, и все ради того, чтобы найти смерть от твоей руки!

– Я не собирался убивать его.

– Но убил! И почему? Потому что твой сын стал священником?

– Он мне не сын.

– Какой же ты глупец! Это твой сын, и ты должен гордиться им.

– Он мне не сын, – упрямо возразил я.

– Да, теперь он сын ничтожества, – выдохнула она. – У тебя в Мерсии всегда хватало врагов, и сейчас они взяли верх. Смотри! – Ее рука указала на горящие строения. – Этельред пошлет воинов пленить тебя, а христиане хотят твоей смерти.

– Твой муж не осмелится напасть на меня.

– Еще как осмелится! У него новая женщина. Ей хочется, чтобы я умерла и ты тоже. Она мечтает стать королевой Мерсии.

Я только крикнул в ответ. Этельфлэд, разумеется, говорила правду. Муж, ненавидевший ее и меня, нашел себе любовницу по имени Эдит – дочь тана из Южной Мерсии. По слухам, девица была настолько же честолюбива, насколько прекрасна. У нее имелся братец Эрдвульф, возглавивший дружину Этельреда. Эрдвульф выказал ловкость, сравнимую с честолюбием сестры. Шайка голодных валлийцев разграбила западные границы. Эрдвульф выследил оборванцев, загнал в ловушку и уничтожил. Умный парень, на тридцать лет моложе меня, – брат властной женщины, мечтающей стать королевой.

– Христиане победят, – сказала мне Этельфлэд.

– Ты христианка.

На это она ничего не ответила. Просто отвернулась и уставилась на пожар, потом устало покачала головой:

– В последние годы мы наслаждались миром.

– Не по моей вине, – огрызнулся я. – Я раз за разом просил воинов. Нам следовало взять Сестер, убить Хэстена и выдворить Кнута из Северной Мерсии. Это не мир! Не может быть мира, пока даны не изгнаны.

– Но мир есть, – не сдавалась Этельфлэд. – А когда все спокойно, христианам ты не нужен. Будь сейчас война, они только бы и желали, чтобы Утред Беббанбургский сражался за них. А теперь? Теперь, когда у нас мир? Ты для них лишняя, и им всегда хотелось избавиться от тебя. И что ты делаешь? Убиваешь одного из самых святых людей в Мерсии!

– Святых? – Я фыркнул. – Это был глупый старик, решивший сражаться.

– И битва, в которой он решил сражаться, была твоей! – с нажимом произнесла женщина. – Аббат Витред совершал моление о святом Освальде! Витреду было видение! И ты убил его!

Я ничего не ответил. В те годы саксонскую Британию охватило религиозное безумие: поверье, что если мощи святого Освальда будут найдены, то все саксы объединятся. Из этого следовало, что саксы, находящиеся под властью данов, сделаются ни с того ни с сего свободными. Нортумбрия, Восточная Англия и север Мерсии избавятся от язычников-данов, и все благодаря тому, что расчлененные останки святого, вот уже три века как умершего, сложат воедино. Про Освальда я знал все: он некогда правил Беббанбургом, и мой дядя, предатель Эльфрик, владел одной рукой покойника. Много лет назад я сопровождал голову святого в безопасное место. Прочие части, как предполагалось, захоронены в одном из монастырей на юге Нортумбрии.

– Витред хотел того же, что и ты! – сердито продолжила Этельфлэд. – Чтобы сакс правил Нортумбрией!

– Я не собирался убивать его. Мне жаль.

– Самое время пожалеть! Если останешься здесь, придут две сотни копейщиков и пригнут тебя к суду.

– Я сражусь с ними.

– Какими силами? – Она презрительно засмеялась.

– У нас с тобой больше двухсот человек, – ответил я.

– Ты не просто глупец, если полагаешь, что я прикажу своим людям биться с другими мерсийцами!

Конечно, Этельфлэд не станет сражаться с мерсийцами. Мерсийцы ее любят, но эта любовь не позволит ей собрать войско, достаточное, чтобы разбить мужа, ведь тот податель добра, хлафорд, и ему под силу созвать тысячу воинов. Он вынужден изображать сердечное согласие с Этельфлэд, потому как не осмеливается открыто бросить ей вызов. Ее брат, король Уэссекса, будет мстить. Боялся Этельред и меня, да вот церковь только что лишила меня большей части могущества.

– Что ты будешь делать? – спросил я.

– Молиться, – ответила она. – И возьму твоих людей к себе на службу. – Этельфлэд кивнула в сторону тех моих дружинников, которые нарушили клятву. – А еще, буду сидеть тихо и не дам мужу повода уничтожить меня.

– Уходи со мной, – предложил я.

– И связать свою судьбу с изгнанным дураком? – горько поинтересовалась она.

Я посмотрел туда, где в небо поднимался дым.

– Твой супруг посылал людей захватить семью Кнута Ранулфсона?

– Что? – В голосе ее прозвучало изумление.

– Кто-то, выдав себя за меня, пленил его жену и детей.

– Откуда ты знаешь? – Этельфлэд нахмурилась.

– Я только что из его усадьбы.

– Будь это дело рук Этельреда, я бы знала.

У нее имелись лазутчики при его дворе, как и у него при ее.

– Кто-то совершил это. Но не я.

– Другие даны, – предположила Этельфлэд.

Я сунул Вздых Змея обратно в ножны.

– Думаешь, раз Мерсия столько лет наслаждается миром, то с войнами покончено? – спросил я. – Это не так. У Кнута Ранулфсона есть мечта, и он намерен осуществить ее, пока не слишком состарился. Так что смотри за приграничьем в оба.

– Уже смотрю. – Голос ее прозвучал не так убежденно, как прежде.

– Кто-то мутит воду. Уверена, что это не Этельред?

– Он собирается напасть на Восточную Англию, – отозвалась она.

– Что? – Настал мой черед изумляться. – Что он собирается?

– Напасть на Восточную Англию. Наверное, его новой женщине нравятся болотистые земли. – Ее слова пронизывала горечь.

Тем не менее нападение на Восточную Англию имело определенный смысл. То было одно из потерянных королевств – потерянных для данов, – да и лежало рядом с Мерсией. Если Этельред сумеет овладеть теми землями, то получит свой трон и свою корону. Он станет королем Этельредом, а заручившись поддержкой фирда и танов Восточной Англии, обретет силу, сопоставимую с силой своего зятя, короля Эдуарда.

Но посягательство на Восточную Англию подразумевало одну заковыку. Даны Северной Мерсии могли прийти ей на помощь. И получится война уже не между Мерсией и Восточной Англией, а между Мерсией и всеми данами Британии. Война, в которую окажется втянут Уэссекс. Война, которая опустошит весь остров.

Если только даны севера не останутся в стороне. А лучший способ решить эту проблему – взять в заложники жену и детей, которыми Кнут так дорожит.

– За этим обязан стоять Этельред, – сказал я.

Этельфлэд покачала головой:

– Я бы знала. Кроме того, он боится Кнута. Мы все боимся Кнута. – Она печально смотрела на горящие здания. – Куда ты пойдешь?

– Прочь отсюда.

Ее белая ладонь коснулась моей руки.

– Утред, ты глупец.

– Знаю.

– Если начнется война...

– Я вернусь.

– Обещаешь?

Я коротко кивнул:

– Если будет война, я стану защищать тебя. Я поклялся в этом много лет назад, и мертвый аббат не отменит клятвы.

Этельфлэд снова повернулась к пылающим домам, и в свете пожара ее глаза показались влажными.

– Я позабочусь о Стиорре, – проговорила она.

– Не позволяй ей выходить замуж.

– Девочка уже взрослая, – возразила Этельфлэд. Потом повернулась ко мне. – Как я смогу найти тебя?

– Никак. Я сам тебя найду.

Она вздохнула и поманила Этельстана.
– Ты едешь со мной, – распорядилась женщина.
Мальчишка посмотрел на меня. Я кивнул.
– И куда ты пойдешь? – еще раз спросила она.
– Прочь отсюда, – снова ответил я.
Но сам-то знал – я отправляюсь в Беббанбург.

* * *

Нападение христиан оставило в моем распоряжении тридцать девять человек. Горсть, подобно Осферту, Финану и моему сыну, тоже являлась христианами, но большинство составляли даны и фризы – последователи Одина, Тора и прочих богов Асгарда.

Мы вырыли припасы, спрятанные под холлом, и немного погодя, в сопровождении жен и детей воинов, оставшихся мне верными, выступили на восток. Переночевали в роще неподалеку от Фагранфорды. Сигунн была со мной, но вела себя беспокойно и почти не разговаривала. Мое мрачное, сердитое настроение пугало всех, и только Финан отважился обратиться ко мне.

– Так что стряслось? – спросил он, когда забрезжил серый рассвет.

– А вот что: я убил одного треклятого аббата.

– Витреда. Парня, который молился святому Освальду.

– Безумие, – буркнул я.

– Вполне может быть, – согласился Финан.

– Еще бы не безумие! То, что сохранилось от Освальда, похоронено во владениях данов, а те давным-давно растолкли его кости в порошок. Они ведь не дураки.

– Возможно, они выкопали мощи, – сказал ирландец. – А может, и нет. Но иногда безумие срывается.

– На что ты намекаешь?

Он пожал плечами:

– Помнится, в Ирландии был один блаженный, который твердил, что, если мы ударим в барабан бедренной костью святой Атрахт, бедной женщины, дождь перестанет лить. Тогда самый настоящий потоп был, надо сказать. Никогда такого дождя не видел. Даже утки от него устали.

– Ну и что дальше?

– Выкопали останки, ударили длинной костью в барабан, и дождь прекратился.

– Все равно бы кончился, – фыркнул я.

– Да, наверное. Но оставалось либо это, либо строить ковчег.

– Ладно, я ошибся, прикончив того ублюдка, – сказал я. – И теперь христиане хотят сделать из моего черепа чашу для вина.

Наступило утро, седое утро. Ночью облака истаяли, но потом снова сгустились и сеяли морось. Мы ехали по дороге среди полей ржи, ячменя и овса, полеглих под дождем. Наш путь лежал в сторону Лундена, а справа Темез хмуро и сонно катил воды к далекому морю.

– Христиане искали повод избавиться от тебя, – сказал Финан.

– Ты христианин. Почему тогда остался со мной?

Ирландец небрежно пожал плечами:

– Что один поп утверждает, другой отрицает. Раз я остался при тебе, то попаду в ад? Возможно, я туда так и так попаду, да только не составит труда найти священника, который разубедит меня в этом.

– Почему Ситрик так не думает?

– Это все бабы. Они сильнее боятся попов.

– А твоя женщина не боится?

– Я люблю девчонку, но она не командует мной. Но теперь все колени протрет в молитвах. – Ирландец снова ухмыльнулся. – А отец Катберт, бедолага, просился поехать с нами.

– Слепой поп? – удивился я. – Какой прок от слепого священника? Ему лучше будет при Этельфлэд.

– Но ему хотелось остаться с тобой. А раз этого хочет священник, то грех ли желать того же самого мне? – Он помолчал. – Так что мы будем делать?

Мне не хотелось говорить Финану правду – что я иду на Беббанбург. Верил ли я в успех сам? Чтобы взять Беббанбург требовались золото и сотни воинов, у меня же было всего тридцать девять.

– Станем викингами, – ответил я.

– Так я и думал. И мы вернемся.

– Ой ли?

– Такова судьба, разве не так? Сейчас мы греемся на солнышке, а через миг над нами прольются все тучи христианского мира. Так, значит, лорд Этельред затевает войну?

– Так мне сказали.

– Его женщина и ее брат хотят этого. А когда Этельред ввергнет Мерсию в хаос, все станут умолять нас спасти их жалкие душонки. – В голосе Финана звучала непоколебимая уверенность. – Тогда мы вернемся и нас простят. Попы обслушивают нам весь зад своими поцелуями, вот увидишь.

Я улыбнулся. Мы с Финаном дружили очень много лет. Вместе влачили рабство, потом стояли плечом к плечу в «стене щитов». Я посмотрел на него и заметил седые пряди, выбивающиеся из-под шерстяной шапочки. Лохматая борода тоже подернулась серебром. Наверное, со мной происходит то же самое.

– Мы стареем, – сказал я.

– Но мудрее не становимся, да? – Ирландец расхохотался.

Мы миновали несколько деревень и два городка. Я держался настороже, опасаясь, что попы разослали приказ нападать, но вместо этого нас просто не замечали. Ветер повернул к востоку и стал холодным, дождь усилился. Я часто оглядывался, гадая, не выслал ли Этельред воинов в погоню, но никого не заметил и пришел к выводу, что он ограничился моим изгнанием из Мерсии. Этельред был моим двоюродным братом, мужем моей возлюбленной и врагом, и в это сырое лето он добился наконец победы, о которой мечтал так долго.

До Лундена мы добрались за пять дней. Наше путешествие получилось медленным не только из-за раскисших дорог, но и потому, что не хватало лошадей, чтобы везти жен, детей, доспехи, щиты и оружие.

Лунден мне всегда нравился. Это мерзкое, пропахшее дымом, вонючее место, где все улицы усеяны нечистотами. Тут даже река воняет, но именно благодаря ей Лунден и существует. Плыви на запад – и попадешь вглубь Мерсии и Уэссекса; плыви на восток – и перед твоим штевнем откроется весь остальной мир. Купцы приводят в Лунден корабли, груженные маслом и шкурами, пшеницей и сеном, рабами и предметами роскоши. Городу полагалось быть мерсийским, но Альфред позаботился о том, чтобы в нем разместилось войско западных саксов, и Этельред не осмелился бросить вызов этому захвату. На деле там располагалось два города. Мы поначалу попали в новый, построенный саксами и раскинувшийся вдоль северного берега широкого, неспешного Темеза. Продвигались по длинной улице, пробираясь между повозками и стадами, миновали квартал скотобоев, с лужами крови в переулках. Чуть дальше к северу располагались пруды кожевников, распространяя вонь мочи и навоза. Затем свернули к реке, разделяющей старую и новую части города, и на меня нахлынули воспоминания. Здесь я сражался. Перед нами высились римская стена и римские ворота, где я отразил атаку данов. Мы поднялись по склону, и караульные у ворот расступились, признав меня. Я

ожидал, что нас остановят, но стражники вместо этого поздравили нас с возвращением. Склонившись под римской аркой, я въехал в старый город на холме. Город, построенный римлянами из камня, кирпича и черепицы.

Нам, саксам, никогда не нравилось жить в старом городе. Нам в нем тревожно. Там обитают тени, странные призраки, которых мы не понимаем, потому как они пришли из Рима. Не из христианского Рима – с тем-то все ясно. Я встречал десятки тех, кто совершил паломничество туда. По возвращении пилигримы разглагольствовали про чудесный город с колоннами, соборами и арками, целиком лежащий в руинах; про волков, бродящих среди груд битого камня, и про главного попа, который разливает яд, сидя в своем полуобвалившемся дворце на берегу вонючей реки. Это все понятно. Нынешний Рим – такой же Лунден, просто побольше. Призраки старого Лундена пришли из другого Рима – города, обладавшего огромной властью, столицы всего мира. Его воины прошагали от пустынь до снегов, сокрушая племена и страны, а затем, без всякой видимой для меня причины, могущество их иссякло. Непобедимые легионы ослабели, побитые племена возродились, и слава великого города обратилась в тлен. Для Лундена это тоже верно. Да посмотрите сами! Величественные здания приходили в упадок, и при виде их меня, как обычно, охватило уныние. Мы, саксы, строим из дерева и соломы, наши дома гниют под дождем и треплются ветром! Ни один человек из ныне живущих не способен воссоздать славу Рима. Мы скатываемся в хаос. Хаос наступит тогда, когда боги начнут войну друг с другом, и я был убежден, как убежден и сейчас, что необъяснимый подъем христианства служит первым знамением подкрадывающейся беды. Мы – детские игрушки, которые смыло в реку и влечет в бездну.

Я вошел в таверну на берегу. На самом деле она именовалась таверной Вульфреда, но все звали ее «Мертвый дан», потому как однажды прилив принес труп воина-дана и нанизал его на гнилой столб, торчащий из грязи там, где некогда была пристань. Вульфред меня знал, и если был удивлен, когда я попросил приюта в его темных, как пещера, залах, то любезно скрыл это. Обычно-то я гостил в королевском дворце, построенном на вершине холма, а теперь стоял перед ним, протягивая монеты.

– Я тут, чтобы купить корабль, – объяснил я ему.

– Этого добра навалом.

– И найти людей, – добавил я.

– От желающих последовать за великим господином Утредом не будет отбоя, – заверил он.

Я в этом сомневался. Бывали времена, когда воины умоляли принять у них присягу, зная меня как щедрого вождя, но Церковь наверняка распространила весть, что Утред теперь проклятый, и страх перед адом заставит людей держаться от меня подальше.

– Но это к лучшему, – заметил Финан тем вечером.

– Почему?

– Потому что ублюдки, готовые примкнуть к нам, не испугаются даже преисподней. – Он ухмыльнулся, обнажив три желтых зуба на пустой челюсти. – Нам пригодятся мерзавцы, способные с боем проложить дорогу через ад.

– Это нам тоже предстоит, – сказал я с ухмылкой.

– Уж я-то знаю, что у тебя на уме, – заявил ирландец.

– Знаешь?

Он растянулся на лавке, бросив взгляд в большую комнату, где напивались посетители.

– Сколько лет мы уже вместе? – спросил Финан, но ответа дожидаться не стал. – И о чем ты грезил все эти годы? А когда более подходящее время, как не сейчас?

– Почему именно сейчас?

– Ясно почему: в данный момент ублюдки меньше всего ожидают нападения.

– Если повезет, у меня будет пятьдесят человек, – проворчал я.

– А сколько у твоего дяди?

– Сотни три, может, больше.

Ирландец с улыбкой посмотрел на меня:

– Но ты ведь придумал способ пробраться внутрь, не так ли?

Я коснулся молота на шее, надеясь на то, что старые боги еще имеют власть в этом сошедшем с ума, угасающем мире.

– Придумал.

– Тогда да поможет Христос тем трем сотням, потому как им крышка, – отозвался он. Это было безумие. И, по словам Финана, безумие иногда срабатывает.

* * *

Судно называлось «Полуночная». Странное имя для боевого корабля, но Кенрик – парень, продавший его нам, – сказал, что судно построили из деревьев, срубленных в полночь.

– Это приносит кораблю удачу, – пояснил он.

«Полуночная» была оснащена банками на сорок четыре гребца, съемной мачтой из ели, грязно-белого цвета парусом, прошитым для крепости пеньковыми канатами, и высоким штевнем с драконьей головой. Предыдущий владелец выкрасил голову красным и черным, но краска выцвела и облупилась, поэтому дракон выглядел так, будто у него цинга.

– Везучий корабль, – сообщил Кенрик.

Это был дородный коротышка, бородатый и лысый, строивший корабли на верфи, расположенной сразу к востоку от римской городской стены. На него работало сорок или пятьдесят человек, некоторые из них рабы. При помощи тесла и пилы они делали торговые суда – пузатые, тяжелые и тихоходные. Но «Полуночная» принадлежала к другой породе: она была длинной, широкой в середине, плоскодонной и с низким бортом. Стремительный, юркий зверь.

– Ты ее построил? – спросил я.

– Она потерпела крушение, – отозвался Кенрик.

– Когда?

– В прошлом году, на день святого Маркона. Ветер задул с севера и выбросил ее на отмель Скеапиг.

Я прошелся по верфи, рассматривая «Полуночную». Обшивка ее почернела, хотя это вполне могло быть следствием недавнего дождя.

– Корабль не выглядит поврежденным, – заметил я.

– Пару носовых шпангоутов пришлось заменить, – пояснил Кенрик. – Ничего такого, чего нельзя исправить за пару дней.

– Даны строили?

– Фризы, – ответил коротышка. – Добрый крепкий дуб, не то что отбросы, как у данов.

– Почему команда не спасла судно?

– Тупые ублюдки сошли на берег, расположились лагерем и позволили кентцам захватить себя врасплох.

– Тогда почему кентцы не забрали его?

– Потому что эти дураки перебили друг друга. Когда я набрел на них, то застал шестерых фризов еще живыми. Да только двое из них вскоре отдали концы, бедолаги. – Он перекрестился.

– А остальные четверо?

Его большой палец указал на рабов, сооружающих новую лодку.

– Они-то и сообщили мне название корабля. Если не нравится, всегда можешь поменять.

– Менять название корабля – дурная примета.

– Нет, если девственница пописает в трюм, – заявил Кенрик, потом задумался. – Впрочем, с этим могут возникнуть сложности.

– Я сохранию имя, – сказал я. – Если куплю.

– Корабль доброй постройки, – промолвил коротышка несколько ворчливо, словно не желая признавать, что какой-то фриз смог сделать лодку не хуже его самого.

Но фризы – знатные корабли. У саксов лодки получаются тяжелые, они будто боятся моря. Зато фризы и норманны строят корабли легкие, которые не вспарывают волны, а словно скользят по ним. Это чепуха, конечно, – даже если такой ходкий корабль, как «Полуночная», нагрузить камнями для устойчивости, скользить он сможет ничуть не лучше, чем я летать. И все же было что-то волшебное в обводах корпуса «Полуночной» – с виду она казалась удивительно легкой.

– Я собирался продать корабль королю Эдуарду, – сказал Кенрик.

– Тот отказался?

– Недостаточно велик. – Мастер сплюнул презрительно. – Западные саксы всегда одинаковы: подавай им большие лодки, а потом они удивляются, почему им не под силу догнать данов. Так куда ты направляешься?

– Во Фризию, – ответил я. – Быть может. Или на юг.

– Плыви на север, – посоветовал Кенрик.

– Почему?

– На севере христиан меньше, господин. – Он лукаво усмехнулся.

Выходит, знал. Пройдоха мог величать меня господином и держаться уважительно, но знал, что моя удача пошла под гору. Это могло повлиять на цену.

– Староват я уже для снега, мороси и льда, – сказал я.

Потом запрыгнул на нос «Полуночной». Та задрожала под моими ногами. Это была боевая лодка, хищница, построенная из превосходного фризского дуба.

– Когда ее конопатили в последний раз? – спросил я у Кенрика.

– Когда меняли шпангоуты.

Я отодрал пару досок настила и посмотрел на балластные камни. Там плескалась вода, но это едва ли удивительно для судна, которым давно не пользовались. Важно другое – дождевая это вода или морская, набранная, когда прилив поднимается по реке. Вода плескалась слишком далеко, чтобы зачерпнуть, поэтому я плюнул и стал наблюдать за тем, как плевков плавают по темной поверхности. Я пришел к выводу, что вода пресная. В морской слюна быстро растворяется. Получается, это надежный корабль: если вода в трюме пресная, значит она взялась из туч на небе, а не из моря под днищем.

– «Полуночная» крепкая, – сказал Кенрик.

– Корпус нуждается в чистке.

Мастер пожал плечами:

– Это можно устроить, но верфь занята. За дополнительную плату.

Я мог найти подходящую отмель и сам почистить лодку во время отлива. Я бросил взгляд за стапели Кенрика, где было причалено темное торговое судно. Оно было вполнине короче «Полуночной», но такой же ширины. Корыто, предназначенное возить грузы близ побережья.

– Предпочитаешь это? – удивленно спросил Кенрик.

– Твое?

– Я такое дерьмо не делаю. Нет, оно принадлежало одному восточному саксу. Ублюдок задолжал мне денег. Я пушу его на слом и использую доски.

– Так сколько ты хочешь за «Полуночную»?

Мы поторговались, но Кенрик знал, что козыри у него на руках, поэтому я переплатил. Мне требовались также весла и канаты, но мы сошлись на цене, и Кенрик, плюнув на ладонь, протянул мне руку. Я помедлил, но потом пожал ее.

– Судно твое, – сказал коротышка. – И пусть оно принесет тебе удачу, господин. Я получил «Полуночную» – корабль, бревна для которого рубили в ночной тьме. И вновь стал судовладельцем. И направлялся на север.

Часть вторая «Полуночная»

Глава третья

Мне нравятся дорога китов, высокие волны и ветер, бросающий в лицо брызги. Нравится, как нос корабля рассекает вздымающийся вал и как тот взрывается белой пеной, нравится соленая вода, оседающая на дереве и парусине. И то, как зеленое сердце моря колыхнется под кораблем, негодуя, угрожая. Вот закручивается разрезанный гребень, корма поднимается, и корпус устремляется вперед, а уходящая волна шипит, облизывая доски обшивки. Мне нравятся птицы, реющие над седой водой, ветер – враг и друг попеременно, мерные взмахи весел. Я люблю море. Я прожил долгую жизнь и познал ее превратности. Мне известен груз забот, гнетущих душу, и печали, обращающие волосы в серебро, а сердце в камень, но все это отступает прочь на дороге китов. Только море делает человека по-настоящему свободным.

Чтобы уладить дела в Лундене, нам потребовалось шесть дней. Самым сложным было найти место, где семьи моих воинов окажутся в безопасности. В Лундене у меня имелись друзья, и пусть христиане поклялись убить меня, Лунден – снисходительный город. Среди его улочек есть уголки, где чужак найдет себе приют, и хотя в нем случаются бунты, а попы проклинают других богов, по большей части его жители не суют нос в дела соседа. Я много лет провел там, командовал гарнизоном, отстроил римские стены старого города и завел друзей. Они-то и пообещали приглядеть за нашими детьми и женами. Сигунн хотела плыть со мной, но мы отправлялись туда, где по лезвиям стекает кровь, а это не место для женщин. Кроме того, раз я запретил воинам брать супруг, то не мог взять Сигунн, и ей пришлось остаться, получив мой кошель с золотом и обещание вернуться.

Мы закупили соленой рыбы и соленого мяса, заполнили бочонки элем и закатали их на борт «Полуночной» и только потом отправились вниз по реке. Для охраны семей я оставил двоих самых старших воинов, а четверо рабов-фризов, входивших некогда в команду потерпевшей крушение «Полуночной», присоединились ко мне, поэтому всего со мной шли тридцать пять человек. С отливом мы миновали широкие излучины, так хорошо мне знакомые, заиленные берега, где рос камыш и кричали птицы; Бемфлеот, где я одержал великую победу из тех, что воспеваются бардами, а канавы заставляют течь кровью, и затем вырвались навстречу вольному ветру и бесконечному морю.

Мы завели «Полуночную» в речку в Восточной Англии и потратили три дня, очищая корпус от водорослей и тины. Работали во время отлива: сначала ободрали один борт и проконопатили швы, потом, пользуясь приливом, сняли судно с мели, развернули и обнажили другой бок. Затем снова в море – выплыли из реки и, поставив парус, направили увенчанный драконом нос на север. Мы убрали весла, позволяя восточному ветру нести нас, и я ощутил то счастье, которое испытываю всегда, имея добрый корабль и попутный ветер.

Сына я поставил к рулевому веслу, давая ему время почувствовать лодку. Поначалу, разумеется, он загребал или толкал весло слишком сильно или подправлял курс слишком поздно, и «Полуночная» рыскала, теряя скорость, но на второй день я заметил, как Утред улыбается про себя, и понял, что парень ощутил, как дрожь длинного корпуса передается рулевому веслу. Он познал науку и обрел в этом радость.

Ночи мы проводили на берегу, притыкаясь носом где-нибудь в речушке или в пустынной бухточке, а с рассветом продолжали путь. Помимо рыбачьих лодок, которые при виде нашего высокого штевня лихорадочно выбирали сети и гребли к берегу, суда нам встречались редко. Мы шли мимо, не обращая внимания ни на кого. На третий день далеко на востоке я увидел мачту. Финан, зоркий как сокол, заметил ее одновременно со мной и раскрыл уже рот, но я сделал знак молчать, кивнув на Утрета. Финан ухмыльнулся. Большинство воинов тоже заметили корабль, но поняли, что я намерен держать язык за зубами. «Полуночная» мчалась

вперед, и мой сын, длинные волосы которого ерошил ветер, как замороженный вглядывался в набегающие волны.

Далекий корабль приближался. Парус у него был серый, как низколетящие облака. Парус большой, высокий и широкий, прошитый для крепости пеньковыми канатами. Наверняка не «купец», а такой же, как наш, узкий и быстрый боевой драккар. Моя команда наблюдала за ним, ожидая, что на размытом горизонте вот-вот обрисуетя корпус, но Утред хмуро глядел на заполаскивающую кромку нашего паруса.

– Не стоит ли выбрать втугую? – спросил он.

– Хорошая мысль, – отозвался я.

Парень улыбнулся, довольный моим одобрением, но ничего не предпринял.

– Командуй, проклятый болван! – воскликнул я тоном, живо убравшим улыбку с его лица. – Ты ведь кормчий.

Он отдал приказ, и двое из наших выбрали шкот так, что парус перестал полоскать. «Полуночная» нырнула в прогал, потом стала подниматься на зеленой волне. На гребне я посмотрел на восток и разглядел нос приближающегося судна. Его украшала голова зверя, высокая и свирепая. Затем незнакомец скрылся за пеленой вздымаемых ветром брызг.

– Каков первый долг кормчего? – спросил я у сына.

– Заботиться о безопасности корабля, – без запинки ответил тот.

– И что это значит?

Утред нахмурился. Он понимал, что в чем-то ошибся, но не мог понять в чем. Тут парень наконец заметил, что вся команда неотрывно смотрит на восток, и сам повернулся в ту сторону.

– Боже! – вырвалось у него.

– Ты беззаботный глупец, – рявкнул я. – Твой долг – глядеть в оба. – Я видел, что прилюдный выговор его разозлил, но он не сказал ни слова. – Это боевой корабль, заметивший нас уже давно. Он заинтересовался и намерен пощупать нас. Как мы поступим?

Утред снова посмотрел на незнакомца. Его нос был уже хорошо различим, и вскоре нам откроется весь корпус.

– Судно крупнее нашего, – сказал сын.

– Скорее всего, да.

– Поэтому нам не следует ничего делать.

Это было верное решение, к которому я пришел через минуту после того, как заметил корабль на горизонте. Незнакомец любопытствует. Он взял курс на сближение, но вскоре убедился, что имеет дело с опасным противником. Мы не купеческое судно, груженное шкурами, горшками и прочим добром, которое можно украсть и продать, – мы воины, и, даже если их будет двое против одного нашего, потери они понесут такие, какие ни один корабль не может себе позволить.

– Идем прежним курсом, – велел я.

На север. На север, где старые боги еще не утратили силу; на север, где мир обрамлен льдом; на север, к Беббанбургу. Эта крепость нависала над грозным морем подобно обители некоего бога. Даны захватили всю Нортумбрию, их короли сидели в Эофервике, но им так и не удалось взять Беббанбург. Они этого хотели, сгорали от желания, как кобель, чующий текущую суку, но у этой суки имелись когти и клыки. Я же располагал всего одним маленьким кораблем, и при этом грезил завоевать твердыню, которую целые армии данов не смогли захватить.

– Корабль из Восточной Англии, – заявил Финан, стоявший рядом со мной.

Чужак изрядно приблизился. Его нос был нацелен вперед по нашему курсу, наперехват, а из-за больших размеров он шел быстрее «Полуночной».

– Там у него не дракон. – Финан кивнул в сторону корабля. – А та странная штука, которую король Эорик ставил на все свои суда, – лев.

Эорик умер, и Восточной Англии правил новый король, но символ, возможно, сохранился.

– И команда полная, – продолжил ирландец.

– Человек семьдесят? – предположил я.

– Около того.

Воины на чужаке были готовы к бою, в кольчугах и шлемах, но когда Финан спросил, стоит ли нам сделать то же самое, я покачал головой. Они видят, что мы не купцы, и могут попробовать взять числом, но я сомневался, что им придет в голову связываться с нами, а нет смысла облачаться в доспехи, если не хочешь драться.

Кораблем из Восточной Англии управляли умело. Судно подошло ближе, потом развернуло парус так, чтобы наш ход сравнялся.

– Вы кто? – окликнул нас на языке данов высокий человек.

– Вульф Ранульфсон! – крикнул я в ответ первое имя, что пришло в голову.

– Откуда?

– Из Хайтабу!

Хайтабу – город в Южном Данеланде, далеко от Восточной Англии.

– Что тут делаете?

– Сопровождали пару «купцов» до Лундена, – отозвался я. – Теперь идем домой. А ты кто такой?

Мой вопрос, похоже, изумил верзилу.

– Я Альдгер! – сообщил он после небольшой заминки. – Мы служим королю Редвальду!

– Да даруют ему боги долгую жизнь! – должным образом отозвался я.

– Если вы в Хайтабу, то сильно уклонились к западу, – проревел Альдгер.

Разумеется, он был прав. Направляясь мы в Южный Данеланд, то должны были бы пересечь море гораздо южнее, а далее следовать вдоль берега Фризии.

– Все этот ветер виноват!

Альдгер молчал. Он смотрел на нас некоторое время, потом отдал приказ выбирать шкоты, и большой корабль вырвался вперед.

– Кто такой Редвальд? – поинтересовался Финан.

– Правитель Восточной Англии, – ответил я. – И насколько наслышан, он стар, болен и толку от него не больше, чем от мерина в борделе.

– А слабый король накликает войну. Неудивительно, что Этельреду не терпится.

– Этельред – король Восточной Англии, – презрительно бросил я.

Но мой кузен определенно мечтает об этом титуле, а хочет или не хочет Этельреда Восточная Англия – дело другое. Странное королевство, одновременно языческое и христианское. Это порождает неразбериху, потому как большинство данов поклоняется моим богам, а саксы – распятому. Однако даны из Восточной Англии приняли христианство, став ни рыбой ни мясом. Это государство в союзе и с Уэссексом, и с Нортумбрией, но Уэссекс и Нортумбрия – непримиримые враги, а значит, восточные англты пытаются лизать зад одним, в то же время целуясь с другими. И они слабы. Король Эорик старался угодить северным данам, нападая на Уэссекс, и многие его крупные таны сложили головы в последовавшей резне. Эту резню учинил я. Моя битва... Память вновь налила меня обидой за предательство. Я часто сражался за христиан, убивал их врагов и оборонял их земли, а теперь они выплюнули меня, словно протухший хрящик.

Альдгер пересек наш курс. Он намеренно повернул свой большой корабль вблизи – хотел заставить нас уклониться в последний момент, но я велел Утреду лежать на старом курсе, и наш штевень рассек воду на расстоянии удара мечом от рулевого весла судна Альдгера. Мы прошли достаточно близко, чтобы уловить запах его корабля, хотя тот и находился с наветренной стороны. Я помахал верзиле, потом наблюдал, как тот снова направляет нос на север.

Он шел на одинаковой с нами скорости, но мне подумалось, что ему просто скучно. Длинный корабль сопровождал нас час или полтора, потом повернулся кормой к ветру и устремился к отдаленному берегу.

Ту ночь мы провели в море. Земли не было видно, хотя я знал, что она лежит невдалеке к западу. Мы подобрали большой парус, и «Полуночная» неспешно шла на север, преодолевая короткие резкие волны, осыпавшие палубу холодными брызгами. Почти всю ночь на рулевом весле сидел я. Утред, согнувшись, пристроился рядом и слушал мою повесть о Гримнире – о Томе, кто в маске.

– Это был сам Один, – поведал я ему. – Но когда бог собирается ходить среди людей, он надевает маску и берет другое имя.

– Иисус так сделал, – сказал сын.

– Надел маску?

– Ходил среди людей.

– Боги могут творить, что им вздумается, – отозвался я, – но и нам отныне тоже следует носить маски. Ты не должен упоминать моего или своего имени. Меня зовут Вульф Ранульфсон, а тебя – Ранульф Вульфсон.

– Куда мы направляемся? – спросил он.

– Ты и сам знаешь.

– Беббанбург. – Название прозвучало без выражения.

– Который принадлежит нам, – продолжил я. – Помнишь Беокку?

– Разумеется.

– Он дал мне хартии.

Дорогой отец Беокка, такой уродливый, такой искалеченный, такой честный. Он был моим учителем, другом короля Альфреда и просто хорошим человеком. Священник умер недавно, и его искривленные кости похоронили в соборе Винтанкестера, рядом с гробницей его любезного Альфреда. Перед смертью он переслал мне грамоты, доказывающие мои права на Беббанбург, хотя никому из живущих не требуются документы, чтобы признать во мне законного владельца крепости. Мой отец погиб, когда я был маленьким, и дядя захватил Беббанбург, и никаким количеством чернил и пергаментов его оттуда не выкуришь. Тут нужны мечи и копья, а у меня имелись «Полуночная» и горстка воинов.

– Мы приходим от Одина, – сообщил я Утреду.

– Знаю, отец, – терпеливо кивнул он.

Я сто раз говорил ему о наших предках, но христианские попы заставили его усомниться в моих притязаниях.

– В наших жилах течет кровь богов, – продолжал я. – Когда Один был Гримниром, он возлег с женщиной, и мы приходим от нее. И когда достигнем Беббанбурга, будем сражаться как боги.

На мысль о Гримнире меня навела Гримесби. Гримесби – это деревушка, лежащая близ моря на южном берегу Хамбра. Легенда утверждает, что Один построил там дом. Хотя с какой стати богу строить дом на этом продуваемом всеми ветрами участке болот – не понимаю. Однако когда шторм волнует море за пределами широкого речного устья, у поселения можно найти удобную якорную стоянку.

Гримесби – нортумбрийская деревня. Было время, когда короли Мерсии правили по всему течению Хамбра и Гримесби являлась одним из самых северных их владений, но те дни остались далеко позади. Теперь она принадлежала данам, хотя, подобно всем морским портам мира, гостеприимно встречала любого путешественника, будь то дан, сакс, фриз или даже шотландец. Заходить в небольшую гавань рискованно, потому как дядю, вне всяких сомнений, заинтересуют сведения о моем продвижении на север, а в Гримесби у него наверняка есть люди, которые за плату передадут весточку в Беббанбург. Но я тоже нуждался в новостях, поэтому

заглянуть в Гримесби стоило, ведь порт посещают моряки, а кому-нибудь из них обязательно известно, что происходит за толстыми стенами Беббанбурга. Риск можно уменьшить, следуя примеру Гримнира. Я надену маску и стану Вульфом Ранулфсоном из Хайтабу.

Я передал рулевое весло сыну.

– Нам стоит взять к западу? – спросил он.

– Зачем?

– Земли ведь не видно. – Утред пожал плечами. – Как мы найдем Гримесби?

– Это просто, – ответил я.

– Как?

– Когда увидишь два или три корабля, поймешь.

Гримесби лежит на Хамбре, а эта река послужила дорогой в сердце Британии для тысяч данов. Я не сомневался, что мы увидим корабли, и не ошибся. Не прошло и часа, с тех пор как Утред задал свой вопрос, а мы уже заметили шесть судов, плывущих под парусом к западу, и два, гребущих на восток. Их присутствие указало мне на близость нужного места, морского пути из Фризии и Данеланда к Хамбру.

– Шесть! – удивленно воскликнул Финан.

Только вот удивляться было особо нечему. Все шесть судов, идущих в Британию, оказались военными, и я подозревал, что все шесть полны воинов. Люди перебирались через море, потому как пронесся слух насчет возможной добычи или их призвал Кнут.

– Миру скоро конец, – пробормотал я.

– Саксы будут умолять тебя вернуться, – заметил Финан.

– Сначала пусть расцелуют мою языческую задницу.

Ирландец хмыкнул, потом с любопытством уставился на меня.

– Вульф Ранулфсон... – протянул он. – Откуда взялось это имя?

– А почему нет? – Я пожал плечами. – Нужно было назвать какое-нибудь, так почему не это?

– Кнут Ранулфсон? – предположил Финан. – А Вульф? Мне показалось странным, что ты выбрал такое имя.

– Взял не думая, – отмахнулся я.

– Или думал о нем, – сказал ирландец. – И по-твоему, Кнут выступает на юг?

– Скоро выступит, – угрюмо обронил я.

– И саксы расцелуют твою языческую задницу. Что, если леди Этельфлэд позовет тебя?

Я улыбнулся, но ничего не ответил. Уже показалась земля, серая полоса на сером море, и я принял от Утреда рулевое весло. Мне очень часто доводилось плавать по Хамбру, но в Гримесби я еще никогда не заходил. Мы по-прежнему шли под парусом. Войдя в устье с востока, «Полуночная» обогнула длинную песчаную косу, которая называлась Вороний Клюв. Море на отмели казалось белым, и на нем четко выделялись черные остовы разбитых кораблей, но, едва мы миновали острие Клюва, волны ослабели и нас встретила река. Она была большой – ширь серой воды под серым ветреным небом. Гримесби лежала на южном берегу. Мы спустили парус, люди заворчали, продвигая в отверстия в бортах весла. Они всегда ворчат – я еще не встречал команды, которая не ворчала бы, когда надо грести. Однако парни с охотой налегли на вальки, и «Полуночная» заскользила между нагими ивами, словно вежи выставшими из скрытых водой заиленных отмелей, где таились в переплетении черных сетей верши², и вот мы уже входили в гавань Гримесби, в которой расположилось с пару десятков рыбацких лодок и с полдюжины судов побольше. Два из них напоминали «Полуночную» – боевые корабли, остальные были торговыми посудинами, и каждое пришвартовалось к длинному причалу из почерневшего бруса.

² *Верши* – разновидность рыболовной снасти.

– Пристань-то сгнила, – заметил Финан.

– Вполне вероятно, – отозвался я.

За причалом лежала деревушка, бревенчатые дома которой были такими же черными, как пристань. Струйки дыма над илистым берегом выдавали места, где коптилась рыба или вываривалась соль. Между двумя большими кораблями имелся зазор – достаточный, чтобы пришвартовать «Полуночную».

– Ты ни за что не втиснешься в эту дыру, – сказал Финан.

– Неужели?

– Не ударив ни одно из этих судов.

– Плевое дело, – заявил я.

Финан рассмеялся, я же замедлил частоту гребков веслами настолько, чтобы «Полуночная» едва ползла по воде.

– Два саксонских шиллинга, что ты не сможешь причалить, не задев ни одну из тех лодок, – предложил ирландец.

– Принято.

Я подставил ладонь, Финан ударил по ней. Я приказал втянуть весла, чтобы «Полуночная» тихим ходом вошла в проем между судами. На берегу виднелись только мальчишки, отпугивающие чаек от сохнувших рыболовных сетей, но я знал, что за нами наблюдают. Удивительно, до чего хотелось показать свое мореходное искусство! Нас оценивали, хотя мы не могли видеть зрителей. «Полуночная» скользила, ее весла были подняты, так что лопасти покачивались на фоне серого неба, а нос нацеливался на корму длинного военного корабля.

– Сейчас ты его ударишь, – возликовал Финан.

Я опустил рулевое весло, с силой налег на него. Если расчет верный, мы обогнем соседа и набранного хода хватит, чтобы «Полуночная» нырнула в прогал. Если я ошибся, мы либо закачаемся на волнах, не дойдя до пристани, либо врежемся в нее под треск обшивки. «Полуночная» впорхнула в свободное пространство с изяществом, которым восхитился бы любой моряк, и едва двигалась, когда первый из воинов спрыгнул на доски пристани и поймал брошенный кормовой швартов. За ним поспешил другой, с носовым, и борт «Полуночной» поцеловал одну из свай так нежно, что корпус почти не вздрогнул. Я отпустил рулевое весло, ухмыльнулся и протянул руку:

– Два шиллинга, ирландский ублюдок!

– Просто повезло, – буркнул Финан, выживая из кошель монеты.

Команда покатывалась со смеху.

– Меня зовут Вульф Ранульфсон, – предупредил я своих. – Из Хайтабу. Если никогда не бывали в Хайтабу, говорите, что я нанял вас в Лундене. – Потом я указал на сына. – Это Ранульф Вульфсон. Здесь мы хотим запастись провизией перед дальним морским переходом.

По шаткому настилу, перекинутому от берега к пристани через полосу ила, шли двое. Оба закутаны в плащи, с мечами на боку. Я перебрался на доски причала и направился навстречу. Настроены оба были миролюбиво.

– Еще один дождливый денек! – обратился ко мне один.

– Неужели? – удивился я. Дождя не было, хотя по небу плыли тучи.

– Будет!

– Он думает, что его кости умеют предсказывать погоду, – заявил другой.

– Льет и будет лить, – сказал первый. – Меня зовут Рульф, я городской рив, и если твоя лодка будет стоять здесь, то плати мне деньги!

– Сколько?

– Лучше всего все, какие у тебя есть, но сойдемся на серебряном пенни за день.

Выходит, то были честные парни. Я дал им два куса серебра, отрезанных от браслета, и Рульф сунул их в кошель.

- Кто ваш лорд? – спросил я.
- Ярл Зигурд.
- Зигурд Торрсон?
- Он самый. Хороший человек.
- Слыхал о таком, – сказал я.

Я не просто о нем слышал, но и убил его сына в последней большой битве между саксами и данами. Зигурд меня ненавидел и был ближайшим другом и союзником Кнута.

– И наверняка ничего плохого, осмелюсь предположить? – поинтересовался Рульф. Взгляд его обратился на «Полуночную». Он посчитал людей, подметил щиты и мечи, сложенные в середине корабля. – А как тебя зовут?

- Вульф Ранулфсон, – сообщил я. – Из Лундена, возвращаюсь домой в Хайтабу.
- Приключений не ищешь?
- Приключениям мы всегда рады, – отозвался я. – Но удовольствуемся элем и ужином. Рив усмехнулся:

– Тебе известны правила, Вульф Ранулфсон. Никакого оружия в городе. – Он мотнул головой в направлении длинного низкого строения с кровлей из почерневшего камыша. – Вот таверна. Эти два – корабли из Фризии, постарайся не драться с их моряками.

- Я сюда не драться пришел, – заверил я.
- В противном случае ярл Зигурд тебя найдет и ты этому не обрадуешься.

Таверна была большой, а городок маленьким. Гримесби не имел стен, только вонючая канава окружала сгрудившиеся в кучу домишки. Это был рыбацкий поселок, и большинство мужчин, как я подозревал, находятся на богатых рыбой океанских отмелях. Их хижины стояли впритык, словно защищая друг друга от бурь, налетающих с моря. Самые крупные здания представляли собой склады, полные товаров. Тут имелись пеньковые канаты, копченая рыба, соленое мясо, просушенное дерево, выструганные весла, ножи для потрошения рыбы, крюки, уключины, конский волос для конопачения – все для корабля, укрывшегося от непогоды и нуждающегося в починке или пополнении припасов. То был не просто рыболовецкий порт, но приют путешественников – убежище для судов, идущих вдоль берега. Вот почему я и зашел сюда.

Мне требовались новости. Я рассчитывал найти их здесь, у команды какого-нибудь из заглянувших кораблей, а это означало долгий день в таверне. «Полуночную» оставил на Осберта, велел отпускать наших на берег по несколько человек.

– Никаких драк! – предупредил я, а затем мы с Финаном пошли по причалу за Рульфом и его спутником.

Рульф, парень дружелюбный, заметил нас и задержался.

- Припасы нужны? – спросил он.
- Свежий эль, можно немного хлеба.

– В таверне полно и того и другого. Если я понадобится тебе за чем-то, найдешь меня в доме рядом с церковью.

- Церковь? – удивился я.
- У нее к щипцу крест прибит, так что не ошибешься.
- Ярл Зигурд терпит тут эту ерунду?

– Ему плевать. К нам заходит много христианских судов, их командам нравится молиться. А раз они тратят денежки в городе, то почему бы не принять их? А священник платит ярлу оброк за здание.

- Он и тебе проповедует?
- Поп знает, что, если он осмелится, я приколочу его за уши к его собственному кресту! – Рульф расхохотался.

Посыпал дождь – косой пронизывающий дождь, налетевший с моря. Мы с Финаном шли по городу вдоль канавы. В южной стороне ее пересекала дамба, на другом конце которой со столба свисал скелет.

– Вор небось, – предположил Финан.

Я вглядывался в набухшую от дождя болотистую равнину – запечатлевал в памяти место, потому как никогда не знаешь, где предстоит сражаться. Впрочем, я надеялся, что тут сражаться не придется. То было унылое, сырое место, однако оно давало кораблям приют от штормов, которые превращали море в бело-серый хаос.

Мы расположились в таверне, где эль был кислым, а хлеб черствым как камень, зато рыбный суп оказался наваристым и свежим. Длинная просторная комната с низким потолком обогревалась исполинских размеров плавником – выброшенными на берег обломками дерева. Они горели в главном очаге. Полдень еще не наступил, но народу уже было много. Здесь сидели даны, фризы и саксы. Люди горланили песни, а шлюхи шныряли вдоль столов, отлавливая мужчин и увлекая по лестнице на чердак, устроенный над одним из торцов здания. Когда доски наверху начинали прыгать и в кружки с элем сыпались опилки, народ раздражался глумливыми криками. Я прислушивался к разговорам, но не вычислил никого, кто шел к югу вдоль побережья Нортгумбрии. Я искал человека, который побывал в Беббанбурге, и готов был ждать сколько угодно, лишь бы найти его.

Но он сам нашел меня. Вскоре после полудня священник – видимо, тот самый, который снимал дом под церковь в центре поселка, – вошел в таверну и отряхнул мокрый плащ. С ним явились двое здоровяков – они следовали за попом, переходившим от стола к столу. Священник был старый, морщинистый и седой, в потрепанной черной рясе, на которой виднелись пятна, похожие на блевотину. Борода его свисала клоками, да и волосы он давно не расчесывал, но лицо было улыбчивое, а взгляд умный. Он глянул в нашу сторону, заметил висящий на шее у Финана крест и стал пробираться к нашему столу, расположенному у лестницы, которой пользовались шлюхи.

– Меня зовут отец Бирньюльф, – представился поп Финану. – А тебя как?

Ирландец не назвалса, просто улыбнулся, глядя священнику прямо в глаза, и промолчал.

– Отец Бирньюльф, – торопливо повторил священник, будто и не спрашивал имени Финана. – А ты только что прибыл в наш городок, сын мой?

– Проездом, отец, проездом.

– Тогда, быть может, ты будешь так добр и пожалуешь монетку на распространение слова Божия в здешних краях? – сказал поп и протянул чашу для подаяний.

Двое его спутников, пугающего облика парни в кожаных куртках-безрукавках, с заткнутыми за широкий кушак длинными ножами, встали по обе стороны от него. Никто из них не улыбался.

– А если я предпочту отказаться? – спросил ирландец.

– Да благословит тебя Господь и в этом случае, – ответил отец Бирньюльф.

Он был даном, и это меня покорило. Мне до сих пор трудно поверить, что какой-нибудь дан может сделаться христианином, тем более священником. Взгляд попа упал на висящий у меня на шее молот, и Бирньюльф отступил на шаг.

– Я никого не хочу обидеть, – смиренно промолвил поп. – Просто служу Всевышнему.

– Как и они, – заметил я, взглядом указав на ходившие ходуном и скрипевшие доски у нас над головой.

Священник рассмеялся, потом снова посмотрел на Финана:

– Если можешь помочь Церкви, сын мой, Господь возблагодарит тебя.

Финан сунул руку в кошель, и поп осенил себя крестом. Было очевидно, что он подходит только к путешественникам-христианам, а двое помощников нужны, чтобы защитить его в случае, если вмешается кто-то из язычников.

– Какой оброк платишь ты ярлу Зигурду? – полюбопытствовал я в надежде, что Зигурд сдирает с него непомерно большую плату.

– Я, хвала Господу, оброка не плачу. Это делает господин Эльфрик. Я собираю милостыню для бедных.

– Господин Эльфрик? – переспросил я, стараясь не выдать изумления.

Священник протянул руку за монетой Финана.

– Эльфрик из Берниции, – пояснил он. – Это наш покровитель, причем щедрый. Я недавно был у него.

Тут поп указал на пятна на рясе, словно они имели отношение к встрече с Эльфриком.

Эльфрик из Берниции! Некогда существовало королевство, называвшееся Берницией, и королями в нем были мои предки. Но государство это давно исчезло, поглощенное Нортумбрией, и уцелели от него лишь крепость Беббанбург да прилегающие к ней земли. Но моему дяде нравилось величать себя Эльфриком из Берниции. Удивительно, как ему не пришло в голову присвоить королевский титул?

– И что же делает Эльфрик? – поинтересовался я. – Швыряет вам объедки с кухни?

– Меня всегда тошнит в море, – с улыбкой заявил поп. – Боже милосердный, как я ненавижу корабли! Они качаются, понимаешь? То вверх, то вниз! Все вверх и вниз, пока желудок не сдастся и ты не скармливаешь добрый обед рыбам. Но лорду Эльфрику угодно, чтобы я посещал его трижды в год, и мне приходится терпеть эту пытку. – Монетка упала в чашу, и священник повернулся к Финану. – Благодарствую, сын мой.

– Против морской болезни есть верное лекарство, отец, – сказал мой товарищ с улыбкой.

– Боже мой, неужели? – Бирньольф с мольбой воззрился на ирландца. – Скажи, сын мой!

– Сидеть под деревом.

– Ты насмехаешься надо мной, сын мой! Насмехаешься!

Поп вздохнул. Потом лицо его вытянулось, и неудивительно – я постучал по столу золотой монетой.

– Садись и глотни эля, – предложил я ему.

Он заколебался. Язычники внушали ему беспокойство, но золото манило.

– Хвала Господу, – изрек поп и опустился на скамью напротив.

Я посмотрел на двоих парней. Это были настоящие верзилы, с руками в пятнах от смолы, которой покрывают рыболовные сети. У одного вид был воистину пугающий: расплющенный нос на обветренном лице и кулаки как боевые молоты.

– Я вашего священника не убью, – обратился я к ним. – Так что нет смысла торчать тут, словно пара телков. Ступайте и раздобудьте себе эля.

Один поглядел на отца Бирньольфа. Тот кивнул, и детины удалились на другой конец комнаты.

– Добрые души, – сказал священник. – И следят за тем, чтобы тело мое пребывало в целости.

– Рыбаки?

– Рыбаки, как и ученики Господа нашего.

Мне стало интересно, имелся ли среди учеников распятого Бога такой же вот малый с расплющенным носом, шрамами на щеках и мутным взглядом. Возможно: рыбаки – народ суровый. Я проследил, как те двое уселись за стол, затем крутанул прямо перед священником монету. Блеснуло золото, потом кругляш забренчал, теряя скорость вращения. На миг он заплясал, потом лег. Я слегка подтолкнул его к попу. Финан потребовал принести еще одну кружку и плеснул в нее эля из кувшина.

– До меня дошел слух, – начал я, – что лорд Эльфрик нанимает воинов.

– Что именно ты слышал? – Взгляд священника не отрывался от монеты.

– Что Беббанбург – настоящая крепость и к ней не подступиться, но у Эльфрика нет собственных кораблей.

– Два – есть, – ответил отец Бирньюльф осторожно.

– Чтобы нести дозор вдоль берега?

– Отгонять пиратов. И еще – да, иногда лорд нанимает корабли. Двух не всегда хватает.

– Я вот подумываю, – продолжил я, подняв монету и снова закрутив ее на столе, – что нам имеет смысл заглянуть в Беббанбург. Эльфрик дружелюбно относится к тем, кто не из христиан?

– Он дружелюбен, да... – Священник замялся, потом поправился: – Ну, быть может, не дружелюбен, но справедлив. С народом обращается хорошо.

– Расскажи мне о нем, – попросил я.

Монета играла на свету, отбрасывая блики.

– Лорд хворает, – сообщил отец Бирньюльф. – Но его сын – человек способный.

– А как зовут сына? – Ответ, разумеется, был мне известен. Эльфрик, пришедшийся мне дядей, украл Беббанбург, и его сын носил имя Утрэд.

– Утрэдом, – сказал поп. – У него есть сын того же имени. Замечательный мальчик! Всего десяти лет от роду, но такой крепкий и отважный – отличный парнишка!

– Тоже Утрэд?

– Это их родовое имя.

– Всего один сын? – уточнил я.

– У него было три, но два умерли во младенчестве. – Отец Бирньюльф перекрестился. – Но старший выжил, хвала Господу.

«Вот ублюдок!» – подумал я, имея в виду Эльфрика. Назвал сына Утрэдом, а тот дал это имя своему первенцу, потому как Утреды всегда были владельцами Беббанбурга. Но Утрэд – это я, и Беббанбург только мой! Эльфрик, назвав так своего наследника, заявил всему миру, что крепость потеряна для меня и теперь до конца времен принадлежит его роду.

– Так как попасть туда? – спросил я. – Гавань там имеется?

Завороженный блеском золота, отец Бирньюльф поведал мне многое, о чем я уже знал, и кое-что, о чем я не ведал. Сказал, что нам следует воспользоваться узким проливом к северу от крепости и через него провести «Полуночную» в мелкую гавань, лежащую под защитой могучей скалы, на которой стоит Беббанбург. Нам позволят сойти на берег, заверил священник, но чтобы попасть в большой зал лорда Эльфрика, нужно подняться по тропе до ворот, которые называют Нижними. Они огромные, заверил он, и укреплены каменными стенами. А далее – обширное пространство, где располагаются кузница и конюшни. Затем предстоит добраться по крутой дороге до Верхних ворот, за которыми расположены дом лорда Эльфрика, жилые постройки, хранилище оружия и дозорная башня.

– Тоже камень? – поинтересовался я.

– Да, лорд Эльфрик и там построил каменную стену. Никто не пройдет.

– А воины у него есть?

– Сорок или пятьдесят живут в крепости. Есть у него и другие воины, конечно, но они пахнут его землю или живут в собственных домах.

Об этом мне тоже было известно: дядя мог созвать внушительное число дружинников, но большая их часть обитала на отдельно стоящих фермах. Потребуется день или два, чтобы собрать эти сотни, поэтому мне придется иметь дело с четырьмя или пятью десятками телохранителей, испытанных бойцов, задачей которых было не дать кошмару Эльфрика стать явью. Этим кошмаром был я.

– Так ты вскоре отправляешься на север? – спросил отец Бирньюльф.

Я ответил вопросом на вопрос:

– Значит, лорду Эльфрику нужны корабли, чтобы охранять своих купцов?

– Шерсть, ячмень, пушнина, – заявил поп. – Купцы везут товары в Лунден, а то и через море, во Фризию, поэтому да, им нужна защита.

– И он хорошо платит?

– Его щедрость известна всем.

– Ты очень помог, отец, – сказал я и катнул монету через стол.

– Господь да пребудет с тобой, сын мой, – пробормотал священник, нагнувшись за упавшим на пол золотым.

Он завладел добычей и поинтересовался:

– А как тебя зовут?

– Вульф Ранулфсон.

– Доброго тебе пути на север, Вульф Ранулфсон.

– Да мы, может, и не пойдем на север, – сказал я, когда поп встал. – Ходят слухи, что на юге созревает заваруха.

– Не дай бог, – настороженно отозвался он. – Заваруха?

– В Лундене поговаривают, будто лорд Этельред считает Восточную Англию легкой добычей.

Отец Бирньюльф перекрестился:

– Молюсь, чтобы этого не случилось.

– Где заваруха, там выгода, – заявил я. – Поэтому я молюсь о войне.

Поп ничего не ответил, но поспешил уйти. Я сидел к нему спиной.

– Что он делает? – поинтересовался я у Финана.

– Разговаривает со своими парнями. Смотрит на нас.

Я отрезал кусок сыра.

– Зачем Эльфрику содержать попа в Гримесби?

– Потому что он добрый христианин? – уныло предположил ирландец.

– Эльфрик – коварный, подлый слизняк, – возразил я.

Финан глянул в сторону священника, потом посмотрел на меня:

– Отец Бирньюльф берет у твоего дяди серебро.

– А взамен, – добавил я, – сообщает Эльфрику про всех, кто бывает в Гримесби. Кто приходит, кто уходит.

– И кто спрашивает про Беббанбург.

– И я это только что сделал.

– Верно. – Финан кивнул. – И ты заплатил ублюдку слишком щедро и задал слишком много вопросов про укрепления. С таким же успехом ты мог назвать свое настоящее имя.

Я нахмурился, но Финан был прав. Мне слишком хотелось добыть сведения, и отец Бирньюльф наверняка более чем насторожился.

– Так как он сообщит новости Эльфрику? – спросил я.

– Рыбаки?

– При таком ветре плавание займет дня два, – предположил я, глянув на рвущиеся с петель ставни. – Или полтора, если использовать судно размеров «Полуночной».

– Три, если пойдут берегом.

– Можно ли ублюдку верить? – подумал я вслух.

– Насчет гарнизона твоего дяди? – Финан пальцем нарисовал дорожку из пролитого на стол эля. – Звучит вполне правдоподобно. – Он криво улыбнулся. – Пятьдесят воинов? Если мы сможем проникнуть в крепость, мы наверняка сумеем перебить мерзавцев.

– Если удастся пробраться. – Я отвернулся, сделав вид, будто разглядываю большой очаг, пламя в котором прыгало навстречу каплям дождя, падавшим через дымовое отверстие в крыше. Отец Бирньюльф оживленно беседовал с двумя своими верзилами, но прямо у меня на глазах они поспешили к выходу из таверны.

- Что у нас с приливом? – спросил я у Финана, продолжая наблюдать за попом.
 - Ночью растет, к рассвету начнется отлив.
 - Тогда уходим с рассветом.
- Потому что «Полуночная» отправлялась на охоту.

* * *

Мы вышли в море с отливом. Мир был серо-стальным, как клинок. Серое море, серое небо, серый туман. «Полуночная» кралась через эту серость подобно хищному, опасному зверю. Мы пустили в ход лишь двадцать весел, и они поднимались и опали почти бесшумно, лишь изредка скрип уключины или плеск лопасти нарушали тишину. Черный с серебром след стелился за нами, расширяясь и замирая, пока «Полуночная» скользила между обрамляющими русло реки ивами. Отлив сам нес нас к морю. Туман густел, но течение влекло нас бережно, и, лишь почувствовав, как нос стал подпрыгивать на крупных волнах, я взял курс на север. Гребли мы медленно. Я слышал, как прибой с грохотом бьется о Вороний Клюв, и уводил корабль, пока рокот не стих. К этому времени пелена сделалась более плотной, но белесой. Дождь прекратился. Море было спокойным, ласковым. Невысокие волны – этот отзвук непогоды – лениво плескались о борта, но я чувствовал, что ветер снова поднимется, и распорядился держать отсыревший парус наготове.

Ветер пришел по-прежнему с востока. Парус вздулся пузырем, мы убрали весла, и «Полуночная» устремилась к северу. Туман рассеялся, и стало возможно разглядеть державшиеся ближе к берегу рыбацьи лодки, но я не обращал на них внимания и вел судно на север. Боги не оставили меня, и когда солнце проглянуло через прорехи в тучах, ветер зашел немного к югу. Морские птицы кричали вокруг.

Мы шли хорошо, и к исходу дня в виду показались меловые утесы Фланебурга. Знакомая примета. Как часто проплывал я мимо этого большого мыса, скалистые берега которого изрыты прибоем! Я смотрел, как волны разбиваются о скалы, обращаясь в белую пену, а когда подошли ближе, услышал рев врывающейся в пещеры воды.

– Фланебург, – сказал я сыну. – Запомни это место!

Утред смотрел на схватку моря и камня:

– Такое трудно забыть.

– И обходи его стороной, – продолжил я. – Течение близ утесов очень сильное, но вдали от берега слабеет. И если убегаешь от шторма с севера, не ищи защиты на южной стороне мыса.

– Почему?

– Мелко, – пояснил я, указывая на черные ребра кораблей, выглядывающие из толчеи волны. – Фланебург забирает суда и людей, держись от него подальше.

Начался прилив, и течение теперь обернулось против нас. «Полуночная» сражалась с волнами, я приказал спустить парус и взяться за весла. Море стремилось оттащить нас к югу, но мне требовалось укрыться на северной стороне Фланебурга, где глубины больше и ни одна идущая с юга лодка не могла заметить нас. Я переложил руль ближе к утесам. Над мачтой кружили бакланы, а тупики стригли хребты волн. Прибой разбивался о камни и заливал уступы, чтобы отпрянуть в сутолке бурлящей пены. Сверху, где на вершине утесов открывалась взору полоска полегшей под ветром травы, на нас смотрели двое. Они ждали, не пристанем ли мы к берегу, но я никогда не причаливал в крошечной бухте на северной стороне Фланебурга и не собирался испытывать судьбу.

Вместо этого мы развернулись носом к течению и удерживали судно на месте при помощи весел. Когда мы прибыли, близ огромной меловой головы качалось пять рыбацких лодок. Две располагались к востоку от утесов, а три – к северу, но с нашим приближением все они удрали. Появился волк, а овцы знают свое место, и поэтому, когда тени удлинились, мы остались одни

в море. Ветер стих, но на буйстве волн это не сказалось. Течение усиливалось, и моим людям приходилось налегать на весла, чтобы «Полуночную» не снесло. Сумерки сгущались, море из серого стало почти черным, и этот мрак обрамляла белопенная полоса прибоя. В небе угасал тусклый свет.

– Быть может, они не появятся сегодня, – сказал Финан – он присоединился ко мне у рулевого весла.

– По суше они не пойдут, – возразил я. – И им нужно спешить.

– А почему не по суше? – спросил сын.

– Не задавай глупых вопросов, – огрызнулся я.

Парень посмотрел с обидой.

– Они ведь даны, – с нажимом произнес он. – Разве не ты сказал, что священник – дан? – Ответа Утрэд дожидаться не стал. – Те двое рыбаков могут быть христианами и саксами, но ярл Зигурд снисходительно относится к их религии. Никто не помешает им ехать через Нортумбрию.

– Он прав, – заявил Финан.

– Ошибается, – не уступал я. – Путь верхом займет слишком много времени.

Я надеялся, что прав. Наверняка отец Бирньюльф предпочел бы отправиться в Беббанбург на лошади, но срочность новостей заставит его преодолеть страх перед морской болезнью. Моя догадка заключалась в том, что рыбаки и священник пойдут близ берега: появившись бродячий корабль с северянами, можно укрыться в ближайшей бухте, а если таковой не подвернется, просто выброситься на отмель. Плыть по морю на мелкосидящей лодке, держась у берега, гораздо безопаснее, чем скакать по долгим северным дорогам.

Я посмотрел на запад. Между темными облаками проглядывали первые звезды. Ночь почти уже наступила, всходила луна.

– Они знают, что мы вышли из Гримесби, – напомнил сын, – и должны опасаться засады с нашей стороны.

– С чего им опасаться? – спросил я.

– С того, что ты расспрашивал про Беббанбург, – сухо заметил Финан.

– Поп умеет считать и знает, что нас всего тридцать шесть, – ответил я. – Что могут тридцать шесть воинов сделать с Беббанбургом?

– Они думают, что ничего, – согласился Финан. – И вероятно, поверят в твою историю. Может статься, отец Бирньюльф и не станет посылать предупреждение?

Ночь почти уже опустилась. Луна освещала море, но берег оставался темным. Где-то далеко горел костер, но все остальное было погружено во тьму – даже меловые утесы казались черными. Море укутывала мгла, ее рассекали серебристые, серые и белые полосы. Мы отвели «Полуночную» на несколько корпусов севернее, подальше от скал. Ни одно идущее по морю судно не могло разглядеть нас на фоне земли. Волк спрятался.

И тут, почти неожиданно, объявилась добыча.

Оно показалось на юге – крошечное суденышко с квадратным парусом, и именно этот темный парус я разглядел сначала. Лодка была, похоже, в полумиле от восточной оконечности Фланебурга. Не задумываясь, что делаю, я толкнул рулевое весло, а Финан отдал приказ налечь на весла, и «Полуночная» тенью выскользнула из укрытия.

– Гребите во всю! – прорычал я Финану.

– Навались! – скомандовал тот.

Волна разбилась о нос, брызги полетели на палубу. Парни налегли на вальки, весла гнулись, корабль летел стрелой.

– Быстрее! – покрикивал Финан, отбивая ногой ритм.

– Откуда ты знаешь, что это они? – спросил Утрэд.

– Не знаю.

Нас заметили. Быть может, виноваты были пенные следы лопастей или звук опадающих тяжелых весел, но я увидел, как короткий корпус чуть повернул, а один из моряков выбрал шкот, ту же натягивая парус, но потом они поняли, что сбежать не получится, поэтому направили лодку на нас.

– Он собирается сблизиться с нами, а затем, изменив в последний момент курс, поломать нам весла с одного из бортов, – сказал я. – Этот малый не глуп.

– Но какого именно из бортов?

– Кабы я знал... – начал я, но не договорил.

В приближающемся к нам суденышке было больше одного гребца. Двое? Трое? То была рыбацья лодка: широкая, устойчивая и тихоходная, но достаточно тяжелая, чтобы разбить нам весла в щепы.

– Он пойдет в ту сторону. – Я кивнул на юг. Утред, лицо которого казалось бледным в свете луны, поглядел на меня. – Смотри, рулевой стоит сбоку от весла. Ему мало места для размаха, чтобы подгрести к себе, поэтому он будет отталкивать весло.

– Гребите, убудки! – орал Финан.

Сто шагов, пятьдесят. Шаланда держала курс прямо на наш нос. Теперь было видно, что на борту трое. Корабль подходил все ближе, пока наш высокий штевень не загородил от меня корпус лодки, и я мог видеть только вырастающий темный парус. Я взял рулевое весло на себя, налегая изо всех сил, и заметил, как рыбаки в последний момент повернули. Но я опередил их, и они легли на тот самый курс, как и ожидалось. Наш увенчанный головой зверя штевень врезался в их низкий борт. «Полуночная» вздрогнула, раздался вопль, треск дерева, мачта с парусом исчезли. Потом наши весла снова ударили по воде, что-то проскребло под килем, и море усеяли обломки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.